

Игра форов

Автор:

Лоис Буджолд

Игра форов

Лоис Макмастер Буджолд

Вселенная Майлза Форкосигана #5

Майлз Форкосиган окончил военную академию, но благодаря политическим интригам своих врагов получил назначение... на заштатную метеостанцию. Унизительно? А еще более унизительно то, что вскоре его обвиняют еще и в попытке бунта. Теперь можно рассчитывать лишь на помощь шефа имперской СБ Саймона Иллиана. Но взамен от Майлза ждут выполнения непростого, невероятного задания...

Лоис Буджолд

Игра форов

Глава 1

– На корабль! – ликующе воскликнул младший лейтенант, стоявший через три человека от Майлза. Он торопливо скользил глазами по строкам приказа о назначении, и лист тонкого пластика подрагивал в его руке. – Назначен младшим офицером по вооружению на имперский крейсер «Коммодор Форхалас»... Немедленно явиться в космопорт базы Тэнер для отправки на орбиту! – Получив тычок в спину, он совсем мальчишеским прыжком освободил место тому, кто стоял за ним.

– Младший лейтенант Плоз. – Сидевший за столом пожилой сержант с деланно-небрежным видом поднял двумя пальцами следующий пакет.

«Как долго занимает он эту должность в Имперской Военной Академии? – подумалось Майлзу. – Сколько сотен или тысяч молодых офицеров прошло перед его равнодушными глазами в этот первый, решающий момент их карьеры? Наверное, для него все они на одно лицо. Одинаковая новенькая зеленая форма. Одинаковые голубые пластиковые прямоугольники – знак только что полученного звания, – подпирающие воротничок. Одинаково голодные глаза бесшабашных выпускников самого элитарного учебного заведения имперской армии, мечтающих о блестящей военной карьере».

«Мы не просто шагаем в будущее, мы атакуем его».

Плоз отошел в сторону, приложил большой палец к папилярному замку и расстегнул молнию пакета.

– Ну? – сказал Айвен Форпатрил, стоявший перед Майлзом. – Не томи нас.

– Лингвистическое училище, – пробормотал Плоз, продолжая читать. Он в совершенстве владел четырьмя барраярскими языками.

– Студентом или инструктором? – поинтересовался Майлз.

– Студентом.

– Ага. Значит, будешь изучать галактические языки. А после этого разведка и – счастливчик! – другие планеты, – сказал Майлз.

– Не обязательно, – ответил Плоз. – Меня могут засунуть в бетонную коробку у черта на рогах и заставят программировать переводящие компьютеры, пока не ослепну. – Но в его глазах светилась надежда.

Майлз милосердно умолчал о главном – что Плозу придется работать с начальником Имперской службы безопасности Саймоном Иллианом, человеком, который помнит все. Но, вероятно, Плозу – на его уровне – не придется сталкиваться с ядовитейшим Иллианом.

– Младший лейтенант Лобачик.

Кроме Лобачика, Майлз знал еще одного человека, столь же фанатически преданного идее службы, поэтому он не удивился, когда Лобачик, расстегнув свой пакет, задыхаясь произнес:

– Секретная служба императора! Усиленный курс по безопасности и контртерроризму.

– А, училище дворцовой охраны, – с интересом сказал Айвен, заглядывая через плечо Лобачика.

– Почетное назначение, – прокомментировал Майлз. – Иллиан обычно отбирает в кандидаты прослуживших лет двадцать ветеранов, увешанных медалями с головы до ног.

– Наверное, император Грегор попросил набрать людей его возраста, – предположил Айвен. – Эти красномордые ископаемые, которыми окружает его Иллиан, у меня лично вызывают тоску. Забудь о том, что у тебя есть чувство юмора, Лобачик: будешь немедленно дисквалифицирован.

«Если дело только в этом, – подумал Майлз, – потеря места Лобачику не угрожает».

– Неужели я действительно увижу императора? – потрясенно прошептал Лобачик. Он почти с ужасом взглянул на Майлза и Айвена.

– Возможно, ты будешь каждый день наблюдать за его завтраком, – деловито сказал Айвен и добавил: – Бедняга!

Интересно, кого он имел в виду: Лобачика или Грегора? Наверное, Грегора.

– Вы, форы, видели его. Как он выглядит?

Не дожидаясь, когда искорка в глазах Айвена материализуется в едкую шутку, Майлз торопливо заверил:

– Он очень простой. Вы друг другу подойдете.

Немного успокоенный, Лобачик отошел, на ходу перечитывая свой листок.

– Младший лейтенант Форпатрил, – нараспев произнес сержант. – Младший лейтенант Форкосиган.

Высокий Айвен взял свой пакет, Майлз – свой, и они освободили место, отойдя к товарищам.

Айвен расстегнул пакет.

– Ага. Для меня Имперский штаб в Форбарр-Султане. Я, чтоб вы знали, буду адъютантом коммодора Джолифа из Оперативного отдела. – Он нахмурился и перевернул листок: – Фактически с завтрашнего дня.

– О-о, – протянул младший лейтенант, вытянувший назначение на корабль и потому немножко задиравший нос. – Айвен собирается стать секретарем. Только берегись, если коммодор попросит тебя посидеть у него на коленях. Я слышал, он...

Айвен с добродушным видом сделал непристойный жест:

– Зависть, низкая зависть. Я буду жить, как штатский человек. Работа с семи до пяти, своя квартира в городе, и, должен вам заметить, на этих ваших кораблях нет ни одной девочки.

Голос Айвена был ровным и веселым, только глаза выдавали разочарование. Айвен мечтал служить на корабле. Они все мечтали об этом.

Майлз, может быть, больше всех. «Корабельная служба. И в конце концов – командование, как было с моим отцом, его отцом, его, его...» Надежда, мольба, мечта... Он медлил – из самодисциплины и, конечно, дикого страха. Потом решился: приложил большой палец к застёжке и подчеркнуто аккуратно расстегнул пакет. В нем лежал пластиковый листок и несколько проездных документов... Показного спокойствия Майлза хватило на доли секунды, которые потребовались ему, чтобы уяснить смысл короткого текста. Не веря глазам, он

остолбенело стоял, перечитывая все сначала, еще и еще раз.

- В чем дело, дружище? - Айвен заглянул ему через плечо.

- Айвен, - задыхаясь, произнес Майлз, - или у меня отшибло память, или у нас в научном разделе никогда не было курса по метеорологии.

- Пятимерная математика... Ксеноботаника... - Айвен перебирал названия дисциплин. - Геология и топография... Послушай, на первом курсе нам прочли несколько лекций по синоптическому обслуживанию полетов.

- Да, но...

- Ну, что еще они для тебя придумали? - спросил Плез, готовый, смотря по обстоятельствам, поздравлять или сочувствовать.

- Я назначен старшим метеорологом базы. Где, черт ее дери, находится эта база Лажковского? Никогда о такой не слышал!

Сержант, сидящий за столом, злорадно улыбаясь, поднял голову.

- Я слышал, сэр, - вмешался он. - Она находится на острове Кайрил, рядом с Полярным кругом. Зимняя тренировочная база для пехоты. Пехтура именует ее «лагерь „Вечная мерзлота“».

- Пехоты? - переспросил Майлз.

У Айвена глаза на лоб полезли. Он уставился на Майлза.

- В пехоту? Тебя? Это несправедливо.

- Еще как, - слабым голосом ответил Майлз. На него холодным душем обрушилось сознание своей физической неполноценности.

Ценой тщательно скрываемых от всех попыток медикам как будто бы удалось компенсировать уродливую деформацию костей, от которой Майлз чуть не умер

в детстве. Скрюченный, как лягушонок, сейчас он стоял почти прямо. Крошившиеся, как мел, кости обрели прочность. Ребенок, похожий на уродливого карлика, вырос в юношу ростом почти сто сорок пять сантиметров. Но даже это было компромиссом на грани возможного между длиной костей и их прочностью. Его врач до сих пор утверждал, что добавление последних пятнадцати сантиметров было ошибкой. Майлз достаточно часто ломал кости, чтобы согласиться с ним, но это уже не имело значения. Но он не мутант, нет... Если бы ему позволили приложить свои силы на императорской службе, он заставил бы забыть о своих слабостях. Абсолютно точно. В армии существуют тысячи занятий, при которых его необычная внешность и скрытый дефект ничего не значат. Он мог бы стать адъютантом или переводчиком в разведке. Или даже офицером по вооружению на корабле и заниматься своими компьютерами. Это ясно как Божий день. Но пехота? Кто-то подставил его. Или это ошибка. И она не была бы первой. Некоторое время Майлз стоял, крепко зажав в кулаке листок, затем направился к двери.

- Ты куда? - спросил Айвен.

- Поговорить с майором Сесилом.

Айвен присвистнул:

- Желаю удачи.

Не спрятал ли сержант, сидевший за столом, легкую усмешку, когда склонился над следующей пачкой пакетов?

- Младший лейтенант Дрот, - позвал он. Очередь продвинулась еще на шаг.

Когда Майлз вошел в кабинет и отдал честь, майор Сесил, присев на свой рабочий стол, говорил по видеотелефону.

Он взглянул на Майлза, потом на свой хронометр.

- Ага, меньше десяти минут. Я выиграл.

Пока майор отвечал на приветствие Майлза, его секретарь, кисло улыбаясь, вытащил из кармана тощую пачку денег, отделил банкноту в одну марку и молча протянул ее начальнику. Но веселье на лице майора было явно напускным. Он кивнул на дверь, и секретарь, оторвав лист пластика с только что отпечатанным текстом, вышел из комнаты.

Майор Сесил был человеком лет пятидесяти, подтянутым, уравновешенным, расчетливым. Чрезвычайно расчетливым. Официально он не являлся главой управления кадров, эту должность занимал офицер более высокого звания, но Майлз давно понял, что окончательные решения принимались именно Сесилом. И, разумеется, через его руки проходило каждое назначение выпускника академии. Майлзу было легко с ним, потому что учитель и ученый в майоре явно преобладали над военным. И еще потому, что этот изумительно умный человек был как никто предан своему делу. Майлз всецело доверял ему. До сегодняшнего дня.

– Сэр, – начал он, протягивая майору назначение. – Я не понимаю...

Сесил с довольным видом засунул в карман банкноту.

– Ты хочешь, чтобы я прочитал тебе приказ, Форкосиган?

– Нет, сэр. Я хочу знать... – Майлз прикусил язык. – Мне хотелось бы кое-что выяснить по поводу моего назначения.

– Начальник службы метеорологии. База Лажковского.

– Так... так, значит, это не ошибка? Это действительно мое назначение?

– Если там написано именно это, то твое.

– А вы... вы знаете, что единственным предметом, более или менее похожим на метеорологию, было синоптическое обслуживание полетов?

– Знаю. – Майор знал все, что касалось его работы.

Майлз помолчал. То, что майор отослал секретаря, означало приглашение к открытому разговору.

- В таком случае, что это? Наказание?

«Что такого я сделал?»

- Почему же, младший лейтенант, - спокойно ответил Сесил. - Это совершенно обычное назначение. Разве вы ожидали чего-то экстраординарного? В мою задачу входит заполнять вакансии подходящими кандидатурами. Каждая заявка должна быть удовлетворена.

- Но эту должность может занять любой выпускник технического училища. - Майлз с трудом заставил себя разжать кулаки и говорить как ни в чем не бывало. - Там не нужен выпускник академии.

- Это верно, - согласился майор.

- Тогда почему? - воскликнул Майлз, и голос его прозвучал взволнованнее, чем ему хотелось бы.

Майор вздохнул и встал из-за стола.

- Потому что, Форкосиган, наблюдая за тобой, я заметил - а ты прекрасно знаешь, что из всех кадетов, исключая императора Грегора, ты находился под самым пристальным наблюдением, - Майлз коротко кивнул, - что, несмотря на твои выдающиеся способности, с тобой не все благополучно. Я не имею в виду твои физические недостатки. Хотя все, кроме меня, полагали, что ты не выдержишь и года.

Майлз пожал плечами:

- Это мое больное место, сэр. Я ничего не мог поделать.

- Ладно, оставим это. Ты обнаружил слабину совсем в другой области... как бы точнее выразиться... в области дисциплины. Ты слишком много споришь.

– Это не так, сэр, – обиженно начал Майлз – и остановился.

Сесил улыбнулся:

– Достаточно много. И потом, эта твоя неуместная привычка обращаться со старшими по званию, как с... э-э... – Майор замолчал, очевидно, подыскивая нужное слово.

– Равными? – попытался подсказать Майлз.

– Как со стадом, – четко произнес Сесил, – которым нужно управлять. Ты прирожденный лидер, Форкосиган. Я наблюдаю за тобой уже три года и поражен ростом твоего влияния. Возглавляешь ты учебную группу или нет, все всегда делается по-твоему.

– Неужели я был... столь непочтителен, сэр? – похолодев, спросил Майлз.

– Наоборот. Принимая во внимание твое происхождение, ты был на редкость прост и внимателен. Но, Форкосиган, – Сесил наконец заговорил серьезно, – имперская академия – это еще не имперская армия. Ты заставил своих товарищей уважать себя, потому что здесь, в академии, ценится светлая голова. Ты всегда был первым, когда требовалось раскинуть мозгами, и последним, когда речь шла о физических качествах. Да и то потому, что всем хотелось победить. И так было всегда и во всем.

– Мне нельзя отступить, сэр!

Сесил кивнул:

– Согласен с тобой. И все-таки должен же ты когда-нибудь научиться руководить обыкновенными людьми. И подчиняться приказам обыкновенных людей. Это не наказание, Форкосиган, и совсем не шутка. От моего решения зависят судьбы не только новоиспеченных офицеров, но и тех ни в чем не повинных людей, которые будут служить с ними. И если я серьезно просчитаюсь, то есть недооценю или переоценю человека, худо будет не только ему, но и окружающим. Так вот, через шесть месяцев (если не случится чего-нибудь непредвиденного) со стапелей имперской орбитальной верфи сойдет и будет

укомплектовываться личным составом «Принц Зерг».

У Майлза перехватило дыхание.

– Вижу, до тебя дошло, – кивнул Сесил. – Новейший, самый быстроходный и мощный из всех кораблей его императорского величества. И с самым большим радиусом действия – он сможет находиться в автономном полете гораздо дольше, чем любой другой корабль. Это означает, что члены команды будут вынуждены все это время довольствоваться обществом друг друга. Поэтому в данном случае Верховное командование обращает сугубое внимание на психологическую характеристику кандидатов.

Сесил наклонился к Майлзу, и тот инстинктивно сделал то же самое.

– Теперь слушай. Если ты сумеешь с чистым послужным списком продержаться шесть месяцев в отдаленном гарнизоне, короче, если перенесешь лагерь «Вечная мерзлота», я готов верить, что тебе по плечу любое назначение. И я поддержу твой рапорт с просьбой о переводе на «Принц». Но если напортачишь, – ни я и никто другой тебе не поможет. Плыви или тони, младший лейтенант.

«Лети, – подумал Майлз. – Хочу летать!»

– Сэр... а что представляет собой эта дыра?

– Я не хотел бы, чтобы у вас создалось предвзятое мнение, младший лейтенант Форкосиган, – ханжески произнес Сесил.

«Большое спасибо за информацию, сэр».

– Но почему пехота? Состояние моего здоровья... оно, конечно, не помешает службе, если будет принято во внимание, но не могу же я делать вид, что с ним все в порядке. Не лучше ли, не теряя времени даром, сейчас же спрыгнуть со стены и переломать себе ноги? – (Черт побери, если они хотят сразу убить меня, зачем я три года занимал место в самом дорогостоящем учебном заведении Барраяра?) – Мне почему-то казалось, что эти обстоятельства должны быть приняты во внимание...

– Офицер-метеоролог является техническим специалистом, младший лейтенант, – успокоил его майор. – Никто не собирается гонять тебя с полной боевой выкладкой. Не думаю, чтобы в армии нашелся офицер, согласившийся объяснять адмиралу причину твоей смерти. – И добавил немного холоднее: – Ваша светлость. Мутант.

Сесил сказал это без всякой насмешки в голосе, просто в очередной – какой по счету? – раз испытывая его. Майлз кивнул:

– Может быть, это поможет тем мутантам, которые последуют за мной.

– А ты что, уже думал об этом? – Сесил взглянул на него заинтересованно и даже одобрительно.

– Не один раз, сэр.

– Хм, – Сесил слегка улыбнулся, подошел к Майлзу и протянул руку: – Тогда удачи, лорд Форкосиган.

Майлз пожал протянутую руку.

– Благодарю вас, сэр. – Он начал перебирать свои проездные документы, сортируя их.

– Куда сначала? – спросил Сесил.

Очередная проверка. Должно быть, это стало для майора второй натурой. Неожиданно для себя Майлз ответил.

– В архивы академии.

– Что?!

– За пособием по военной метеорологии и другими материалами.

– Отлично. Кстати, твой предшественник задержится на пару недель, чтобы ввести тебя в курс дела.

– Весьма рад слышать, сэр, – искренне ответил Майлз.

– Мы не требуем от вас невозможного, младший лейтенант.

«Я понимаю. Всего лишь усложняете мне жизнь».

– Рад слышать, сэр. – Прощальное приветствие он отдал почти по всем правилам.

Последний отрезок пути на остров Кайрил Майлз проделал на автоматическом транспортном катере вместе со скучающим дежурным пилотом и восьмьюдесятью тоннами продовольствия. Большую часть путешествия он провел в упорной зубрежке материалов по метеорологии. А поскольку расписание полетов было чистой формальностью – задержки на последних двух пунктах погрузки исчислялись часами, – к тому времени, когда катер приземлился на базе Лажковского, Майлз продвинулся в своих познаниях гораздо дальше, чем предполагал. В открывшуюся дверь грузового люка проникал тусклый свет лежащего на горизонте солнца. Несмотря на лето, столбик термометра показывал всего пять градусов выше нуля.

Первым, что увидел Майлз, была встречающая транспорт группа солдат в черной форме сопровождаемых усталым капралом. Казалось, никому нет дела до вновь прибывшего. Майлз поежился под своей курткой и двинулся навстречу солдатам.

Двое в черной форме, наблюдавшие, как он спускается по трапу, перекинулись между собой несколькими фразами. Они говорили на барраярском греческом – редком диалекте земного происхождения, основательно изменившемся за столетия Изоляции. Майлз, измотанный с дороги, завидев на их лицах давно знакомое ему выражение, тотчас же решил притвориться, что не понимает языка. К тому же Плез не раз говорил ему, что у него отвратительное произношение.

– Взгляни-ка вон туда. Это что за коротышка?

– С них станется послать нам офицером сосунка, но этот слишком уж маловат.

– Слушай, да это и не парень. Какой-то чертов гном. Акушерка при родах явно ошиблась. Разрази меня гром, если это не мутант!

Майлз с трудом сдержался, чтобы не обернуться. Уверившись, что их не понимают, собеседники заговорили в полный голос:

– А почему этот урод в форме?

– Может, это наш новый талисман?

Старые генетические страхи настолько укоренились в людях, что даже теперь они могли растерзать какого-нибудь калеку, не ведая, что творят. Майлз отдавал себе отчет в том, что его защищает положение отца, но с теми, кто стоял ниже на социальной лестнице, случались просто страшные истории. Два года назад в Форбарр-Султане бандой пьяных негодяев с помощью разбитой бутылки из-под вина был кастрирован безногий инвалид. И то, что случившееся обернулось скандалом, считалось большим прогрессом. Раньше такие вещи никого не удивляли. Недавнее детоубийство во владениях Форкосиганов лишний раз подтвердило опасность. В такой ситуации положение в обществе или в армии имеет свои преимущества, и Майлз собирался воспользоваться ими немедленно.

Он одернул куртку, чтобы были видны офицерские петлицы на воротнике:

– Послушайте, капрал! Мне приказано явиться к лейтенанту Ану, метеорологу базы. Где я могу найти его?

Ему пришлось дожидаться, пока капрал соизволит поздороваться с ним согласно уставу. Наконец до того дошло, что Майлз действительно может быть офицером.

С запозданием он поднес руку к виску:

– Извините, что вы сказали, сэр?

Майлз невозмутимо отдал честь и повторил вопрос.

– А, лейтенант Ан. Он обычно прячется – то есть я хотел сказать, находится – в своем офисе. В главном административном корпусе. – Капрал взмахом руки указал на двухэтажное здание из сборного железобетона, возвышающееся позади приземистых складских помещений, расположенных вдоль асфальтированного шоссе в километре от них. – Вы не ошибетесь – это самое высокое здание базы.

«К тому же, – подумал Майлз, – самое заметное, судя по торчащим на крыше антеннам связи. Отлично. Не стоит ли вручить багаж этим болванам и попросить, чтобы его доставили куда надо? Или остановить их работу и приказать довести его на погрузчике?»

Он представил себя торчащим на капоте машины, подобно носовой статуе парусника, и двигающимся навстречу судьбе в сопровождении полутонны подштанников с обогревом, длинных, по две дюжины в упаковке, артикул № 6774932. И решил топтать пешком.

– Благодарю вас, капрал.

С вещевым мешком за плечами Майлз зашагал в указанном направлении, остро чувствуя, что все видят его хромоту и выступающие под брюками (из-за добавочной нагрузки) стержни экзоскелета. Расстояние оказалось больше, чем ему показалось сначала, но он постарался не останавливаться и не спотыкаться, пока не исчез из виду за первым складом.

База казалась безлюдной. И неудивительно. Обычно ее заполняли пехотинцы, в зимнее время обучающиеся здесь в два потока. Сейчас здесь оставался только постоянный персонал, а большинство сотрудников вдобавок во время короткой летней передышки наверняка взяли отпуск. Поэтому Майлз дошел до административного корпуса, не встретив по пути ни одного человека.

Информационное табло с планом здания, судя по наклеенной на экран бумажке, было испорчено. Майлз пошел по единственному коридору, ведущему направо, в надежде отыскать кого-нибудь живого. В комнате с табличкой «Бухгалтерия» сидел человек, одетый в черную форму с красными лейтенантскими петлицами на воротнике. Уставившись на экран головизора с длинными колонками цифр, он вполголоса чертыхался.

– Где тут у вас метеостанция? – вежливо спросил Майлз, остановившись в дверях.

– На втором. – Лейтенант, не поворачивая головы, ткнул рукой в потолок и придвинулся к экрану, по-прежнему чертыхаясь. Майлз не стал его больше беспокоить и тихонько пошел дальше.

Наконец он отыскал нужную ему дверь с выцветшей надписью. Остановившись перед нею, Майлз скинул вещмешок, положил на него куртку и осмотрел себя. После четырнадцатичасового путешествия его новенькая форма, конечно же, помялась. И все же он, насколько это было возможно, сумел уберечь одежду и обувь от крошек, грязи и прочих нежелательных наслоений. Майлз сложил пилотку и аккуратно засунул ее за пояс. К этому моменту он шел полжизни и пересек полпланеты. Понадобилось три напряженнейших года в академии, чтобы как следует к нему подготовиться. И все же это была только учеба. Теперь он лицом к лицу столкнется с реальностью. Встретится со своим первым настоящим командиром. Первое впечатление, особенно в его случае, может определить всю его жизнь... Майлз глубоко вздохнул и постучал.

Из-за двери послышался приглушенный ответ, слов было не разобрать. Приглашение? Майлз толкнул дверь и вошел.

В глаза ему сразу бросились горящие экраны компьютеров и головизоров, занимающие одну из стен, а в лицо ударила волна горячего воздуха. Жара стояла несусветная. Уловив слева от себя какое-то движение – если не считать света экранов, в комнате было темно, – Майлз повернулся и отдал честь.

– Младший лейтенант Форкосиган для несения службы прибыл, сэр! – отчеканил он, вглядываясь и никого не видя.

Звуки доносились снизу. На полу, прислонившись спиной к столу, сидел небритый мужчина лет сорока в нижнем белье. Он улыбнулся Майлзу и, помахав наполовину пустой бутылкой с янтарного цвета жидкостью, пробормотал:

– Пр-р-вет, парень. Ты мне нр-р-рвис-с-я, – после чего медленно свалился на пол.

Майлз во все глаза смотрел на него и не мог вымолвить ни слова. А мужчина захрапел.

Прикрутив отопление, сняв китель и накинув одеяло на лейтенанта Ана (это был именно он), Майлз решил передохнуть и осмотреться. Было ясно, что без инструкций ему не обойтись. Кроме непрерывно передаваемых на экраны спутниковых изображений, сюда постоянно поступала информация с десятка раскиданных по острову автоматических метеостанций. Если руководства по управлению всем этим хозяйством и существовали, здесь их явно не было. Смущенно поглядывая на распростертого на полу и храпящего человека, Майлз после некоторого замешательства проинспектировал ящики стола, папки с документацией, стоящие на стеллажах, затем заглянул в компьютерные файлы.

Это кое-что дало. В частности, выяснилось, что лейтенанту Ану, прослужившему двадцать лет, оставалось несколько недель до отставки. Последнее повышение в звании он получил давным-давно, а последняя перемена места службы произошла еще раньше – он был бессменным метеорологом базы в течение последних пятнадцати лет.

«Бедняга торчит на этом айсберге с тех пор, как мне исполнилось шесть лет», – прикинул Майлз – и содрогнулся. Трудно сказать, было ли пьянство Ана следствием его заточения на этом чертовом острове или причиной. Что ж, если он к завтрашнему дню протрезвеет настолько, чтобы показать Майлзу что к чему, прекрасно. Если нет, Майлз придумает пару-тройку способов, от жестких до мягких, чтобы привести бедолагу в чувство. Когда он выложит все, что знает, пусть себе возвращается в исходное состояние, пока не придет пора грузить его в отходящий транспорт.

Решив таким образом судьбу Ана, Майлз надел китель, сунул вещмешок с пожитками в угол и отправился на разведку. Должен же здесь найтись хоть один трезвый нормальный индивидуум, выполняющий повседневную работу, иначе эта контора прогорела бы. А может, тут всем заправляют капралы? В таком случае надо отыскать самого толкового из них и принять у него командование.

В вестибюле первого этажа Майлз заметил в проеме входной двери силуэт стремительно приближающегося человека. Высокий, крепкий мужчина в тренировочных штанах, майке с короткими рукавами и кроссовках наверняка завершал пятикилометровую пробежку, за которой, вероятно, последует несколько сотен отжиманий на закуску. Стального цвета шевелюра, такие же

жесткие стальные глаза – у этого сержанта наверняка несварение желудка! Заметив Майлза, незнакомец остановился, недоуменно хмурясь.

Майлз слегка расставил ноги и, задрав подбородок, ответил ему таким же бесцеремонным взглядом. Но мужчина продолжал молча рассматривать новичка, не обращая никакого внимания на его лейтенантские нашивки, и тут Майлз не выдержал:

– Что, все санитары в отпуске? Или кто-нибудь все же заведует этим дурдомом?

Глаза мужчины вспыхнули, будто их сталь чиркнула о камень, и эта искра зажгла в мозгу Майлза предупредительный огонь, но было поздно.

«Приветствую вас, сэр! – прозвучала в мозгу спасительная фраза, которую следовало произнести, встав по стойке смирно и отвесив почтительный поклон. – Я новый экспонат вашей коллекции!» – Но Майлз безжалостно подавил внутренний голос. Во вззирающих на него сверху вниз глазах, в лице, сплошь покрытом шрамами, не было ни капли юмора.

Раздувая ноздри, командующий базой смерил Майлза тяжелым взглядом и отчеканил:

– Я заведу, младший лейтенант.

К тому времени, когда Майлз отыскал наконец свое новое жилище, с грохочущего вдалеке моря надвинулась плотная пелена тумана. Офицерские бараки и окружающую их местность обволокла серая влажная мгла. Майлз решил, что это предзнаменование.

Видно, зима предстоит долгая.

К превеликому удивлению Майлза, когда он прибыл в офис Ана к началу следующего дня, обнаружилось, что лейтенант трезв и одет по форме. Выглядел он скверно: лицо отекло, под заплывшими глазами набрякли мешки. Тем не менее Ан прилежно взирал глазами-щелками на экран с раскрашенной картой погоды. Под действием сигналов от пульта дистанционного управления, который он сжимал в потной и трясущейся руке, изображение подрагивало.

– Доброе утро, сэр, – сочувственно произнес Майлз и осторожно прикрыл за собой дверь.

– А? – Ан обернулся, машинально отвечая на приветствие. – Кто вы, черт побери? А... младший лейтенант...

– Прибыл вам на замену, сэр. Разве вам не сказали, что я должен прилететь?

– Конечно, конечно! – Ан мгновенно расцвел. – Замечательно, входите! – Майлз, который уже вошел, молча улыбнулся. – Я хотел встретить вас, – смущенно продолжал Ан, – но вы прибыли слишком рано. Хотя вижу, что дорогу все-таки отыскали.

– Я прилетел еще вчера, сэр.

– Вот как? В таком случае вам следовало доложиться.

– Я так и сделал, сэр.

– Неужели? – Ан встревоженно посмотрел на Майлза.

– Вы обещали объяснить мне все тонкости обращения с приборами сегодня утром, сэр, – как ни в чем не бывало прибавил Майлз.

– Да? – Ан недоуменно поморгал. – В таком случае... – начал он с некоторым облегчением и потер лицо ладонями. Решив, по-видимому, что процедура знакомства действительно состоялась накануне, он, оборвав церемонию на полуслове, с места в карьер начал рассказывать о развешанном по стенам оборудовании.

Как выяснилось, все компьютеры имели женские имена, но если не обращать внимания на странную привычку лейтенанта говорить о машинах как об одушевленных существах, причем женского пола, Ан объяснял вполне сносно, лишь изредка сбиваясь с мысли. Майлз двумя-тремя словами возвращал его к теме беседы и попутно делал заметки. Завершив довольно-таки сумбурный круиз по стенам, лейтенант перенес свое внимание на контрольные экраны и связанное с каждым из них оборудование. Потом, приготовив свежий кофе в не положенной по уставу кофеварке по имени Жоржетта, благоразумно спрятанной в угловом шкафу, повел Майлза на крышу. Там была установлена собственно метеостанция – датчики, анализаторы, пробоотборники.

Без всякого энтузиазма сержант принялся объяснять Майлзу назначение всех этих хитроумных приспособлений. Было очевидно, что длительное умственное напряжение ему не под силу. А может, у него болела голова с перепоя. Как бы там ни было, лейтенант Ан внезапно замолчал и бессмысленно уставился куда-то вдаль, навалившись на ржавые перила, ограждающие метеостанцию. Майлз добросовестно последовал его примеру, изучая далекий горизонт и поглядывая на своего наставника. Не исключено, что внутренняя сосредоточенность лейтенанта была вызвана очередными позывами на рвоту.

Утро было тихим, тускло светило солнце, и Майлз припомнил, что здесь оно заходит в два часа ночи. Только что окончились самые длинные дни в году на этой широте. Майлз с любопытством разглядывал базу Лажковского и окружающую ее местность, лежавшие перед ним сейчас как на ладони.

Остров Кайрил представлял собой овальную глыбу около семидесяти километров в ширину и ста шестидесяти в длину. От суши его отделяло более пятисот километров. Как остров, так и базу можно было охарактеризовать двумя эпитетами: «уродливый» и «бурый». Большинство видневшихся вокруг зданий, включая и офицерскую казарму, в которой поселился Майлз, были простыми землянками, крытыми сверху торфом. Никто не позаботился посадить здесь хоть что-то, и остров пребывал в первозданном – барраярском – виде, правда, подпорченном людьми и непогодой. Длинные, мощные торфяные насыпи прикрывали казармы, в которых зимой размещались пехотинцы. Сейчас они были пусты. Наполненные грязной водой канавы отмечали границы жилого пространства, полосы препятствий и изрытых учебных полигонов.

На юге виднелось беспокойное море глухого свинцового цвета. Далеко на севере просматривалась серая полоса, отделявшая тундру от гряды потухших вулканов.

Свой короткий учебный курс по действиям в зимних условиях Майлз проходил на Черном Сбросе, местности в самом центре второго континента Барраяра. Там, разумеется, тоже были суровый климат и снегопады, но по крайней мере воздух был сухим и бодрящим. А тут даже сейчас, в середине лета, едкая морская сырость пронизывала насквозь и заставляла ныть старые переломы. Майлз пожегся под своей просторной курткой, но это не помогло.

В этот момент Ан, все еще опирающийся на ограждение, оглянулся на Майлза:

– Скажите, младший лейтенант, вы не родственник того самого Форкосигана? Я задал себе этот вопрос, еще когда прочитал фамилию в приказе.

– Это мой отец, – коротко ответил Майлз.

– Черт возьми! – Ан удивленно заморгал и попытался выпрямиться, но снова неуклюже навалился на поручень. – Черт возьми, – повторил он, удивленно прикусив губу, и оловянные глазки загорелись откровенным любопытством. – А какой он?

«Что за идиотский вопрос! – раздраженно подумал Майлз. – Адмирал, граф Эйрел Форкосиган. Одна из самых заметных фигур в истории Барраяра за последние полвека. Покоритель Комарры, герой отступления с Эскобара. Лорд-регент в течение всех шестнадцати беспокойных лет несовершеннолетия императора Грегора, доверенный премьер-министр в последующие четыре года. Человек, разрушивший надежды претендовавшего на трон Фордариана, организатор странной победы в Третьей цетагандийской войне. Военачальник, двадцать лет державший в ежовых рукавицах раздираемый междоусобицами Барраяр. Тот самый Форкосиган.

Я видел его смеющимся от всей души, когда он, стоя на пристани в Форкосиган-Сюрло, громко командовал мною, когда я в первый раз самостоятельно шел под парусами и, перевернувшись, без посторонней помощи выровнял яхту. Видел его плачущим и гораздо более пьяным, чем был вчера ты, Ан, в тот день, когда мы узнали, что майор Дювалье казнен по обвинению в шпионаже. Видел в ярости, с таким апоплексически-красным лицом, что мы боялись за его сердце, когда пришло подробное сообщение об идиотских приказах, приведших к последним беспорядкам в Солстисе. Видел его бродящим ранним утром по дому в нижнем белье и заставляющим сонную мать подобрать ему два одинаковых носка. Он не

похож ни на кого, Ан. Он уникален».

– Он беспокоится о Барраяре, – сказал наконец Майлз, чувствуя, что молчание затянулось. – Ему... трудно подражать.

«К тому же его единственный ребенок калека. И с этим ничего не поделаешь».

– Это уж точно... – И Ан сочувственно вздохнул, хотя, может, его просто тошнило.

Майлз решил, что может смириться с таким выражением симпатии. В нем не было и следа этой чертовой покровительственной жалости и еще более часто встречавшейся затаенной брезгливости. «Это все из-за того, что я прибыл ему на смену. Если бы у меня было две головы, он все равно был бы счастлив видеть меня».

– Так, значит, вы собираетесь идти по его стопам? – поинтересовался Ан. Потом, словно спохватившись, огляделся по сторонам и удивленно добавил: – Здесь?

– Я фор, – сухо ответил Майлз. – И я исполняю свой долг. По крайней мере стараюсь. А где – не имеет значения. Таковы правила игры.

Ан молча пожал плечами, удивляясь то ли Майлзу, то ли причудам командования, пославшего сына всемогущего лорда на остров Кайрил.

– Ну что ж. – Он с видимым трудом оторвался от перил. – Сегодня, кажется, ва-ва не будет.

– Чего не будет?

Ан зевнул и набрал ряд цифр – на взгляд Майлза, совершенно наобум – на устройстве, передающем кратковременный прогноз погоды.

– Ва-ва. Неужели вам ничего о нем не сказали?

– Нет...

- Странно. Это делается в первую очередь. Чертовски опасная штука.

Майлз старался понять, не морочит ли его Ан. Грубые шутки могли заставить его позабыть о субординации и - что совсем скверно - вывести из себя. Уж лучше откровенное насилие - оно причиняло всего лишь физическую боль.

Ан между тем вновь облокотился на перила и указал вниз.

- Вы обратили внимание на канаты между зданиями? Это на случай ва-ва. За них нужно цепляться, чтобы тебя не сдуло. Если все-таки разожмете руки, не вздумайте цепляться ни за что. Сколько здесь людей со сломанными запястьями! Просто сгруппируйтесь и катитесь.

- Прекрасно, но все-таки, что это такое - ва-ва?

- Жуткий ветер. Внезапный. Я был свидетелем, как за семь минут от полного штиля скорость ветра дошла до ста шестидесяти километров в час, а температура упала от плюс десяти до минус двадцати. Так может продолжаться и десять минут, и два дня. Приходит ва-ва с северо-запада. Автоматические станции на побережье дают предупреждение за двадцать минут. Мы включаем сирены. Это значит, что вы должны не расставаться с теплыми вещами и находиться не далее чем в пятнадцати минутах ходьбы от ближайшего бункера. Они вырыты везде. - Ан указал рукой вниз. Его голос звучал серьезно и вполне искренне. - Если услышите сирену, что есть силы спешите в укрытие. Иначе при вашем весе вас просто поднимет в воздух и снесет как пушинку в море, а там ищи-свищи.

- Ладно, - сказал Майлз, решив при первом удобном случае проверить услышанное по метеоархивам базы. Он взглянул на передающее устройство: - А откуда вы взяли цифры, что ввели туда?

Ан растерянно воззрился на Майлза:

- Как вам сказать... В общем, это точные цифры.

- Я в этом не сомневаюсь, - терпеливо ответил Майлз. - Мне только хочется знать, откуда вы их взяли. Я ведь должен буду делать то же самое.

– Это трудно объяснить... – Ан беспомощно развел руками.

– Но вы ведь не выдумали их? – забеспокоился Майлз.

– Нет, что вы! – заверил Ан. – Я никогда не задумывался над этим, но... мне кажется, я просто чувствую их. – И он, словно иллюстрируя сказанное, глубоко втянул в себя воздух.

Майлз сморщил нос и попытался принюхать. Он ощутил холод, запах соли и затхлый йодистый дух гниющих водорослей, к которому примешивалась вонь нагретого пластика от работающих приборов. Да, из той информации, которую получали его ноздри, вычленить температуру, давление и влажность воздуха было просто невозможно, не говоря уж о прогнозе на восемнадцать часов. Майлз указал на метеоборудование:

– А нет ли тут какой-нибудь штуки, которая могла бы заменить ваш нос?

Ан тревожно глянул на него, словно его внутренний анализатор вдруг дал сбой.

– К сожалению, нет. Конечно, мы получаем стандартные компьютерные прогнозы, но, честно говоря, я давно не пользуюсь ими. Они недостаточно точны.

Майлз смотрел на Ана, с ужасом постигая истинное положение вещей. Тот не лгал и ничего не придумывал. Эти способности были просто пятнадцатью годами практики, вошедшими в подсознание. Майлз же ничем не мог компенсировать отсутствие опыта. Откровенно говоря, не больно-то ему и хотелось приобретать его.

Позднее Майлз проверил удивительные способности Ана по метеоархивам базы. Тот не шутил, когда говорил о ва-ва. Более того, он не шутил, и когда говорил о компьютерных прогнозах. Автоматизированная система предсказывала погоду в районе базы с вероятностью 86 процентов, которая снижалась до 73 процентов для недельных прогнозов на большие расстояния. Чудесный нос Ана обеспечивал точность прогнозов в 96 процентов, снижавшуюся до 94 процентов на недельных сроках. Когда Ан уедет, точность упадет на 10 и 21 процент, соответственно. Существенная разница.

Офицер-метеоролог на базе, без сомнения, был гораздо более важной персоной, чем думалось Майлзу. Здешняя погода казнила или миловала.

«И этот парень собирается оставить меня на острове наедине с шестью тысячами вооруженных людей, советуя приюхиваться к ва-ва?»

На пятые сутки, когда Майлз решил было, что его первое впечатление от Ана оказалось обманчивым, у того случился рецидив. Майлз просидел целый час, ожидая появления чудесного носа и его хозяина на рабочем месте. Наконец, за неимением лучшего, он извлек из компьютера данные стандартного прогноза, ввел их и отправился на поиски лейтенанта.

Ан возлежал на своем неопрятном ложе и громко храпел. От него за версту несло перегаром... Фруктовое бренди? Все попытки растолкать или докричаться до него закончились неудачей: он только стонал и плотнее закутывался в одеяло. Пришлось отбросить мысль о насилии и действовать по собственной инициативе. «В конце концов, – думал Майлз, – скоро я буду предоставлен исключительно самому себе. Надо привыкать».

Прихрамывая, он направился в гараж. Вчера они с Аном провели рутинное плановое обслуживание пяти автоматизированных метеостанций. Шесть более отдаленных остались на сегодня. Перемещения по острову осуществлялись на наземных машинах, так называемых скатах, управлять которыми оказалось столь же приятно, как и антигравом. Скаты были ярко раскрашены, имели каплевидную форму и, хотя уродовали тундру, отличались образцовой устойчивостью – любой ураган им был нипочем. Как понял Майлз, персоналу базы надоело вылавливать утерянные антигравы из ледяного моря.

Гараж представлял собой наполовину вкопанный в землю бункер, как и остальные строения базы Лажковского, только побольше. Майлз отыскал капрала Олни, накануне отправлявшего его и Ана в поездку. Помогавший ему техник, который вывел скат из подземного гаража к выходу, показался Майлзу знакомым. Хотя с чего бы? Высокий, черноволосый, в черной униформе – под такое описание подходил чуть не весь персонал базы. И только когда техник заговорил, Майлз вспомнил, где он слышал этот акцент. Так звучал один из приглушенных голосов, обсуждавших его внешность на посадочной полосе. Майлз решил не подавать вида.

Как учил его Ан, перед тем как подписать список имеющегося в наличии оборудования, он внимательно просмотрел его. Согласно инструкции, скатам в любое время суток полагалось иметь полный комплект снаряжения, позволяющего выжить при пониженных температурах. Капрал Олни с легким презрением наблюдал за Майлзом, роющимся в поисках отмеченных в списке вещей. «Ну что ж, я действительно медлителен, – пытаюсь держать себя в руках, подумал Майлз. – Зеленый новичок. И только таким образом смогу стать не таким зеленым. Медленно и постепенно».

Он с трудом сдерживал себя. Болезненный опыт говорил ему, что раздражение – чертовски опасная штука. «Думай о деле, а не об этих чертовых зрителях. На тебя всегда глазели. Это неизбежно».

Майлз разложил карту на корпусе ската и указал капралу предполагаемый маршрут своей поездки. Подобная процедура, по словам Ана, также входила в инструкцию. Олни хмыкнул в подтверждение того, что все понял. На его лице появилось скучающее выражение, чуть-чуть не дотягивающее до наглого невнимания – ровно столько, чтобы в случае чего Майлзу было нечем крыть.

Техник в черной униформе, Паттас, заглянул Майлзу через плечо, поджал губы и сказал:

– Младший лейтенант, сэр! – И опять этот нажим, граничащий с издевкой. – Вы собираетесь посетить Станцию Девять?

– Да, а в чем дело?

– Я вам советую подстраховаться и припарковать скат подальше от ветра, в низине сразу за станцией. – Толстый палец указал место на карте, отмеченное голубым цветом. – Вы ее сразу увидите. Тогда вы без проблем доберетесь назад.

– Эти машины предназначены для работы в космосе, – возразил Майлз. – Какие же тут проблемы?

Взгляд Олни на секунду ожил – и тут же затянулся пеленой безразличия.

– Разумеется, но вряд ли вы хотите, чтобы скат сдуло, когда внезапно налетит ва-ва.

«В таком случае меня сдует раньше, чем скат».

– Мне говорили, что скаты достаточно устойчивы.

– Ну, может, сдувать их и не сдувало, но случилось, что переворачивало, – пробормотал Паттас.

– Что ж, спасибо за информацию.

Капрал Олни откашлялся. Паттас подозрительно приветливо помахал Майлзу вслед.

Заметили ли эти двое, как дергается его щека? Хорошо бы нет. Майлз сделал глубокий вдох, стараясь успокоиться, тронул скат и направился в глубь острова. Через несколько минут он прибавил скорость, и машина понеслась, продираясь сквозь похожую на папоротники бурую растительность. Первые полтора-два года учебы в Имперской академии ему приходилось постоянно доказывать первому встречному, что он не слабак. На третий год он, вероятно, расслабился за недостатком практики, а зря. Неужели ему суждено каждый раз нарываться на хамство, получая новое назначение? «По-видимому, да», – с горечью подумал Майлз и прибавил скорость. Слава Богу, эта «новость» больше не застанет его врасплох.

Было тепло. Обычно бледное, солнце почти сияло, и к тому времени, когда Майлз достиг Станции Шесть, находящейся на восточном побережье острова, к нему вернулось хорошее настроение. Как приятно в одиночестве заниматься своим делом! Никаких зевак, никаких словечек. Можно не спешить и не дергаться. Майлз работал неторопливо, замеряя питание, опустошая пробоотборники, проверяя, нет ли следов коррозии, повреждений и нарушений соединений в аппаратуре. И если он и ронял инструмент, никто не отпускал идиотских замечаний о мутантах. Нервное напряжение спало, он делал все меньше ошибок. Наконец и тик прекратился. Закончив работу, Майлз выпрямился и всей грудью вдохнул влажный воздух, наслаждаясь непривычной роскошью одиночества. Он даже задержался на несколько минут и прошелся вдоль полосы прибоа, наблюдая за множеством выброшенных на берег мелких

морских обитателей.

На Станции Восемь оказался поврежденным один из датчиков – гигрометр был разбит вдребезги. К тому времени, когда Майлз заменил его, стало ясно, что составленное им расписание было слишком оптимистичным. Он покидал Станцию Восемь уже в сумерках и, когда подъехал к Станции Девять, расположенной на границе тундры с каменистыми склонами, было почти темно.

Сама станция, как выяснил Майлз, посветив карманным фонариком на карту, располагалась где-то наверху, среди вулканических гор и ледников. Нечего было и думать разыскивать ее в темноте. Надо выждать короткие четыре часа, оставшиеся до рассвета. Он сообщил об изменении своих планов на базу, находящуюся в ста шестидесяти километрах южнее. Дежурный не выказал по этому поводу никакого удивления. Прекрасно.

И Майлз решил использовать счастливую возможность без свидетелей опробовать снаряжение, находящееся в багажнике ската. Лучше это сделать сейчас, чем в неблагоприятной ситуации. Когда он установил небольшой пузырь двухместной палатки, та показалась Майлзу дворцом. Зимой ее нужно было утеплять уплотненным снегом. Он установил палатку с подветренной стороны ската, припаркованного в рекомендованной ему низине в нескольких сотнях метров от станции.

Мысленно сравнивая массы палатки и ската, Майлз живо припомнил показанный ему Аном видеофильм о ва-ва. Что и говорить, передвижной гальюн, несущийся по воздуху со скоростью свыше ста километров в час, являл собой незабываемое зрелище. Ан, правда, не знал, находился ли в нем кто-нибудь во время съемки. На всякий случай Майлз принял меры предосторожности, прикрепив палатку к скату короткой цепью. Удовлетворенный, он заполз внутрь.

Снаряжение работало прекрасно. Он включил подвешенный к потолку обогреватель и, сев по-турецки, нежился под излучаемым им теплом. Питательный рацион был превосходен. Саморазогревающаяся банка тушеного мяса с рисом и овощами и вполне приемлемый фруктовый сок из порошка. Поев и убрав за собой, Майлз устроил себе удобное изголовье, вставил диск с книгой в проигрыватель и собрался провести несколько оставшихся ночных часов за чтением.

Последние недели достались ему нелегко, как, впрочем, и последние годы. Роман из жизни светского общества Беты, который порекомендовала ему мать, не имел ничего общего с Барраяром, армейскими делами, мутациями, политикой или погодой, и Майлз не заметил, как уснул.

Проснулся он неожиданно. Вглядываясь в темноту, освещенную красноватым светом нагревателя, Майлз пытался понять, который час. Спал он, по-видимому, долго, в окошках палатки было абсолютно черно. Внезапно Майлза охватила паника. Черт возьми, что с того, если он и проспал! Не на экзамен же опаздывает. Майлз взглянул на светящееся окошко часов – да, утро. Должно быть светло. Почему такая темень?

Эластичные стенки палатки прогнулись внутрь. От первоначального объема осталось не больше трети, а пол был весь в морщинах. Майлз нажал пальцем на тонкую, холодную ткань. Она подалась с трудом, как застывшее масло, и впадина от пальца так и не заполнилась. Что за черт?..

В висках у Майлза стучало, воздух был спертым и влажным. Так бывает при недостатке кислорода и избытке углекислоты, вызванных долгим пребыванием в тесном закрытом пространстве. Но откуда здесь такое? У Майлза вдруг закружилась голова; казалось, пол палатки стремительно уходит куда-то вглубь.

И тут Майлз понял: так оно и есть – отравление углекислотой. Стараясь не поддаваться панике, он лег, пытаясь дышать медленнее, а думать быстрее.

«Я под землей. Меня поглотило что-то вроде зыбучих песков. Зыбучая грязь». Неужели эти ублюдки там, в гараже, специально подстроили все это? А он попался в их ловушку, угодил прямо в западню.

Но, может, грязь не такая уж зыбучая. Ведь за время, пока он устанавливал палатку, скат не осел. Иначе он заметил бы. Хотя, конечно, было темно. Господи, если бы он не остановился здесь надолго, если бы не уснул...

«Успокойся! Поверхность тундры, свежий воздух могут быть в каких-нибудь десяти сантиметрах над головой. Или в десяти метрах... Успокойся!» Он пошарил по палатке в поисках чего-либо могущего служить щупом. Где-то должна быть длинная телескопическая трубка с остро заточенным краем для отбора образцов ледникового льда. Ах да, она в скате, вместе с переговорным

устройством. По наклону пола Майлз прикинул, что скат должен находиться двумя с половиной метрами ниже, к северу от палатки. Именно скат и утащил его. Сам пузырь палатки просто плавал бы на замаскированной под тундру поверхности грязевого озера. Если он отсоединит цепь, поднимется ли палатка на поверхность? Слишком мало времени. Майлзу казалось, что легкие набиты ватой. Он должен пробиться на поверхность – или задохнется в этой могиле. Будут ли присутствовать родители, когда его наконец найдут и вскроют эту гробницу? Когда тяжелым подъемником вытащат скат вместе с палаткой... и глазам присутствующих откроется окоченевший труп с раскрытым от удушья ртом, заключенный в эту ужасную пародию на матку... «Успокойся!»

Майлз поднялся и начал распрямляться, преодолевая сопротивление давящей на крышу грязи. Ноги утонули в податливой поверхности пола, но ему удалось освободить одно из прогнувшихся под тяжестью ребер палатки. От этого усилия он едва не потерял сознание, однако ему удалось нащупать застежку молнии палатки и сдвинуть ее на несколько сантиметров вниз – как раз настолько, чтобы просунуть стержень. Майлз боялся, что черная грязь польется внутрь и он утонет в ней, но она начала отделяться лепешками и с характерным звуком падать вниз. Очевидная и неприятная аналогия напрашивалась сама собой. «Бог мой, если раньше мне казалось, что я по уши в дерьме, что же теперь?»

Он начал пропихивать стержень вверх. Тот шел с трудом, скользя во вспотевших ладонях. Не десять сантиметров. И не двадцать. Стержень вошел уже на метр, может быть, метр с третью, его длины оставалось чуть-чуть. Майлз переменял ладонь, ухватился покрепче и толкнул снова. Не стало ли сопротивление меньше? Достиг ли он поверхности? Он дергал стержень вверх-вниз, но тот был заляпан грязью и понять что-либо было невозможно.

Кто знает, может быть, между верхом палатки и поверхностью не более полутора метров. Его собственный рост. Расстояние между смертью и жизнью. Сколько понадобится времени, чтобы пробиться наверх? С какой скоростью затягиваются отверстия, прорытые в этой грязи? В глазах темнело, но не из-за слабеющего освещения. Майлз выключил обогреватель и сунул в карман куртки. В наступившей мгновенно темноте его охватил настоящий ужас. А может, это из-за недостатка кислорода? Не важно. Теперь или никогда.

Не зная зачем, он нагнулся и расстегнул застежки ботинок и пряжку пояса, потом нащупал молнию палатки, расстегнул ее пошире и начал копать по-собачьи, отбрасывая большие куски грязи вниз, в небольшое свободное

пространство. Потом пролез в образовавшуюся нору, собрался с последними силами и устремился наверх.

Грудь горела, перед глазами плыло красное марево – и вдруг его голова пробилась поверхность. Воздух! Он выплюнул грязь и обрывки папоротника, заморгал, без особого успеха пытаясь очистить глаза и нос, вытащил одну руку, потом другую и попытался лечь плашмя, наподобие лягушки. Наружный холод обжег его, как боль. Майлз ощущал, что ноги застряли в грязи, будто парализованные страшным проклятием. Он изо всех сил оттолкнулся от крыши палатки. Та подалась вниз, но приподняться удалось всего на сантиметр. Больше не от чего отталкиваться. Теперь – подтягиваться. Майлз уцепился за стебли папоротника. Еще, еще раз. Он почти не продвигался, жадно хватая ртом ледяной воздух. Ведьмины чары не отпускали. Ноги задержались в последнем отчаянном усилии. И – наконец!

Ботинки и брюки так и остались в грязи. А он уже лежал, раскинув руки и ноги, чтобы обеспечить себе максимальную опору на ненадежной поверхности, и смотрел в свинцовое небо. Шел мокрый снег. Форменная куртка и теплое нижнее белье промокли насквозь, один носок с обогревом потерялся, не говоря уж о ботинках и брюках.

Его нашли несколько часов спустя скорчившимся вокруг тускло светящегося нагревателя в одной из ниш метеостанции, из которой была выпотрошена вся начинка. Глаза на перепачканном грязью лице запали, пятки и уши побелели. Онемевшие багровые пальцы в непрерывном гипнотическом ритме соединяли две проволочки, выстукивая армейский сигнал о помощи. Его без труда можно было прочитать, если бы, конечно, кто-нибудь удосужился взглянуть на показания внезапно забарахлившего датчика и обратить внимание на закономерности в помехах. Даже после того, как Майлза вытащили из его тесного убежища, скрюченные пальцы продолжали выстукивать сигнал, а когда попытались разогнуть онемевшее тело, со спины форменной куртки посыпались осколки льда. Долгое время от него не могли добиться ни слова. Слышно было лишь какое-то прерывистое бормотание, да горели на лице запавшие глаза.

Лежа в горячей ванне, Майлз придумывал, каким способом накажет этих мерзавцев из гаража. Подвесит вверх ногами. Протащит привязанными к антиграву на малой высоте над морем. Или, еще лучше, оставит по шею в болоте во время снежной бури... Но когда он наконец согрелся и санитар выудил его из воды, чтобы вытереть, еще раз осмотреть и накормить, он уже успокоился.

Можно ли квалифицировать пакостную шутку как покушение на убийство? Вряд ли. А значит, не имеет никакого смысла обращаться к Саймону Иллиану, шефу Имперской службы безопасности и левой руке его отца. Конечно, сладостно представлять, как зловещие офицеры безопасности отправляют обоих шутников в какую-нибудь мерзкую дыру, только стоит ли стрелять из лазерной пушки по воробьям? Кроме того, смогут ли они найти место хуже острова Кайрил? Без сомнения, эта парочка надеялась, что пока он будет осматривать станцию, скат затянет и ему придется, к своему стыду, вызывать с базы грузоподъемные механизмы. Но конфуз не убийство. Кто мог предвидеть, что Майлз пристегнет палатку к скату – поступок, едва не погубивший его. Делом может заняться в крайнем случае армейская служба безопасности или просто командование.

Майлз спустил ноги с кровати (он был единственным пациентом в лазарете) и поставил на столик тарелку. Вошел санитар.

– Как вы себя чувствуете, сэр?

– Превосходно, – мрачно ответил Майлз.

– Но вы не доели.

– Со мной это случается. Порция велика для меня.

– Да, вы, конечно, немного э-э... – Санитар что-то отметил в своей электронной книжке, осмотрел уши Майлза, а потом, наклонившись, опытной рукой пощупал его пятки.

– Кажется, все в порядке. Вам повезло, знаете ли.

– А много у вас случаев обморожения? Или я один такой идиот?

– О, когда придёт очередная смена, тут будет столпотворение. Обморожения, простуды, пневмонии, переломы, сотрясения... зимой скучать некогда. Бедняги набиваются в лазарет как сельди в бочку. Я всегда жалею инструкторов, вынужденных с ними возиться. – Санитар выпрямился и сделал ещё несколько записей. – Боюсь, мне придётся доложить, что вы здоровы, сэр.

– Боитесь? – Майлз удивленно поднял брови.

Санитар бессознательным движением человека, докладывающего о неприятностях, стал по стойке «смирно». На лице его было написано: сожалею, но служба есть служба.

– Вам приказано явиться в кабинет командующего базой, как только я отпущу вас, сэр.

Майлз подумал, не сказаться ли ему снова больным. Нет. Чем скорее он покончит с этой историей, тем лучше.

– Скажите, санитар, а кто-нибудь ещё топил скаты?

– А как же! Обычно за сезон обучающиеся теряют по пять-шесть штук. Да пару ещё затягивает в болота. Технические службы просто кипятком писают. Командующий каждый раз обещает им, что если это повторится, он... хм! – Санитар многозначительно возвел глаза к потолку.

«Прекрасно, – подумал Майлз. – Просто замечательно». Он чувствовал, что его ожидает. И чувство это нельзя было назвать радостным.

* * *

Майлз поспешил в казарму с намерением переодеться (вряд ли больничная пижама подходит для разговора), но обнаружил, что выбор у него небогатый. Черная рабочая униформа казалась затрапезной, парадный зеленый мундир, напротив, предназначался для особо торжественных случаев, например, посещения Имперского генерального штаба в Форбарр-Султане. Брюки и ботинки от повседневной зеленой униформы благополучно пребывали на дне болота. С собой Майлз привез только по паре того и другого. Основной багаж

еще не прибыл.

И попросить что-нибудь подходящее у соседей он тоже не мог. Его форма была изготовлена на заказ и стоила раза в четыре дороже обыкновенной. На вид она ничем от нее не отличалась, но искусство портного позволило скрыть недостатки его телосложения. Майлз чертыхнулся и скрепя сердце остановил свой выбор на парадном мундире, к которому прилагались начищенные до блеска высокие ботинки. По крайней мере они скроют стержни экзоскелета.

На нужной ему двери висела табличка: генерал Станис Метцов, командующий базой. Со времени их первого, неформального знакомства Майлз тщательно избегал встреч с генералом. Хотя в это время года база напоминала пустыню, они так и не встретились. В компании Ана это было нетрудно: он был отчаянный нелюдим. Но теперь Майлз жалел, что не пытался завести разговор с офицерами в общей столовой. То, что он позволил себе при своей занятости держаться в стороне от них, было ошибкой. За прошедшие пять дней кто-нибудь непременно вспомнил бы про грязь – убийцу номер один острова Кайрил.

Капрал, сидевший за интеркомом в приемной, проводил Майлза в кабинет. Майлз волновался, но был полон решимости найти общий язык с командующим. Во что бы то ни стало. Генерал Метцов, похоже, был настроен не столь дружелюбно: он хмуро смотрел, как новичок отдал честь и встал по стойке «смирно».

Генерал был в черной рабочей форме. Принимая во внимание его пост, это означало, что командующий желает зарекомендовать себя Настоящим Солдатом. Единственным, что отличало его от офицеров, была безупречно отутюженная одежда. На груди Метцова красовались всего три боевые награды. Но скромность явно была напускной: лишние обычного листовенного орнамента ордена мало сказать бросались – лезли в глаза. Майлз разразился мысленными аплодисментами – Метцов прекрасно играл роль боевого командира и выглядел при этом совершенно естественно.

«Ну надо же мне так опростоволоситься!» – подумал Майлз через секунду, поймав взгляд Метцова, который с издевкой разглядывал сверкающую новизну его парадного мундира – сначала сверху вниз, потом снизу вверх. Вне всякого сомнения, он был для генерала штабным шаркуном-аристократом, не более того. Однако экзекуция затягивалась, и Майлз решил прекратить ее.

– Слушаю вас, сэр!

Скривившись, Метцов откинулся в кресле:

– Я вижу, вы отыскали себе брюки, младший лейтенант Форкосиган. И даже... э-э... ботинки для верховой езды. Только, знаете ли, лошадей на острове не водится.

«В Имперском штабе тоже, – раздраженно подумал Майлз. – Не я же придумал эти чертовы ботинки!»

Его отец пошутил как-то, что офицерам его свиты они нужны для катания на игрушечных лошадках – или гимнастическом коне. Будучи не в состоянии оспорить генеральскую остроту, Майлз молчал, замерев по стойке «смирно».

Метцов наконец оставил издевательский тон и, сцепив руки, бросил на него тяжелый взгляд:

– В результате парковки в области, ясно обозначенной как зона инверсии вечной мерзлоты, вы потеряли дорогостоящий, полностью снаряженный скат. Неужели в Имперской академии больше не учат чтению карты – или теперешним офицерам важнее знать правила чаепития?

Майлз постарался припомнить карту, и она ясно предстала у него перед глазами.

– Области, окрашенные в голубой цвет, были помечены буквами ЗИВМ. И нигде не объяснялось, что это такое.

– Значит, вы, помимо всего прочего, не потрудились даже прочитать инструкцию.

Со дня прибытия он только и занимался тем, что читал инструкции. Инструкции по составлению прогнозов погоды, технические описания аппаратуры...

– Какую именно, сэр?

– Устав базы Лажковского.

Майлз лихорадочно пытался вспомнить, держал ли он в руках диск с уставом.

– Думаю... лейтенант Ан, по всей видимости, дал мне копию. Позавчера. – На самом деле Ан просто вывалил целую коробку дисков на его койку, сказав, что начал упаковываться и в связи с этим завещает Майлзу свою библиотеку. В тот вечер, перед тем как лечь, Майлз прочитал два диска по метеорологии. Ан вернулся к себе в комнату, где продолжил свой маленький праздник. А на следующее утро Майлз выехал на скате... Один.

– И вы до сих пор не прочитали его?

– Нет, сэр.

– Почему?

«Я в ловушке!» – мысленно простонал Майлз. Он чувствовал на своей спине жадный взгляд капрала, которого Метцов так и не отпустил. Публичный стриптиз. Если бы он удосужился прочитать эту чертову инструкцию! Тогда бы и ублюдки из гаража не смогли заманить его в западню! Как бы то ни было, придется платить за ошибку.

– У меня нет оправданий, сэр.

– Так вот, младший лейтенант, в третьей главе устава базы вы найдете подробное описание всех зон инверсии вечной мерзлоты и рекомендации избегать их. Советую вам заглянуть туда – на досуге, когда выпадет часок, свободный от чаепитий.

– Слушаюсь, сэр. – Лицо Майлза вытянулось. Генерал имел право делать с ним что угодно, хоть снять кожу виброножом, но без свидетелей. Форма младшего лейтенанта обязывала окружающих мириться с его ущербностью (Барраяр, как известно, славился своей нетерпимостью к генетическим нарушениям). И оскорбления, которыми осыпал его Метцов в присутствии рядового, обязанного чтить в Майлзе старшего по званию, смахивали на грубое нарушение армейского устава. Интересно, генерал оскорбляет его сознательно или это только от

раздражения?

Между тем Метцов распалялся все больше и больше:

– Армия, может быть, и в состоянии держать никому не нужных задирающих нос форов в Имперском генеральном штабе, но здесь, в полевых условиях, тунеядцы нам не нужны. Я дослужился до генерала на поле боя. Видел жертв попытки переворота Фордариана еще до вашего рождения...

«Я сам был жертвой попытки переворота еще до своего рождения», – подумал Майлз, чувствуя, как в нем вскипает злоба. Солтоксин, чуть не убивший его беременную мать и сделавший его калекой, был боевым отравляющим веществом.

– ...и участвовал в подавлении Комаррского мятежа. Вы, сопляки, не имеете никакого представления о войне. Слишком долгие мирные периоды деморализуют армию. Если так будет продолжаться, не останется никого, кто обладал бы практическим боевым опытом.

«Неужели для того, чтобы офицеры могли продвигаться по службе, его императорское величество должен затевать войну каждые пять лет?» Майлз задумался о том, что означает выражение «практический боевой опыт». Не в нем ли кроется разгадка, почему этого находящегося в прекрасной форме офицера загнали на остров Кайрил?

А Метцов явно вошел во вкус. Он гремел хорошо поставленным голосом:

– В реальной боевой ситуации вопрос воинского оборудования есть вопрос жизни и смерти! От его сохранности зависят победа или поражение. Человек, теряющий оборудование, теряет свою эффективность как боевая единица! Неужели вам не говорили, что безоружный беззащитен, как женщина, хуже того – бесполезен! А вы разоружили самого себя!

Майлз угрюмо подумал, согласится ли генерал с тем, что сегодня вооруженная женщина может сражаться не хуже мужчины... Вероятно, нет. Барраярские служаки из поколения Метцова наверняка не потерпели бы женщин в своих рядах.

Метцов профессионально понизил тон и перешел от философии войны к практическим вопросам. Майлз облегченно вздохнул.

– Обычное наказание для человека, утопившего скат в болоте, – приказ откопать его собственными руками. Но в данном случае, насколько я понимаю, это невыполнимо, поскольку глубина, на которую вы затопили свой, – новый рекорд базы. Итак, с четырнадцать ноль-ноль вы поступаете в распоряжение лейтенанта Бонна из инженерной службы, и он подберет вам занятие.

Ну что ж, это справедливо. И может даже оказаться полезным. Майлз надеялся, что беседа подходит к концу. «Ну что, ты отпускаешь меня?» Но замолчавший наконец генерал смотрел на него в упор.

– В возмещение повреждений, нанесенных вами метеостанции, – медленно начал он, и Майлз мог поклясться, что в его глазах загорелся красноватый огонек, а уголок жесткого рта дернулся вверх, – вы наказываетесь принудительными работами сроком на одну неделю. Четыре часа в день. Помимо исполнения основных обязанностей. Каждый день в пять ноль-ноль вы поступаете в распоряжение сержанта Ньюва из службы обеспечения.

Капрал за спиной Майлза издал приглушенный звук, значения которого Майлз не смог разобрать. Смех? Удивление?

Но это же полный идиотизм! Он потеряет массу времени, которого и так осталось немного, вместо того, чтобы поучиться у Ана...

– Повреждения, которые я нанес метеостанции, были вынужденными, сэр. Это вовсе не результат глупой оплошности, как в случае со скатом. Они были необходимы, чтобы я выжил!

Метцов окинул его ледяным взглядом:

– Шесть часов в день, младший лейтенант Форкосиган.

С трудом выговаривая слова, Майлз произнес:

– Вы предпочли бы, чтобы я замерз до смерти, сэр?

Воцарилось молчание, распухавшее на глазах, как оставленный на солнце труп.

– Вы свободны, младший лейтенант, – процедил наконец генерал, глядя на Майлза сузившимися глазами.

Майлз отдал честь, сделал поворот кругом и зашагал к двери, выпрямившись будто проглотил аршин. Он ничего не замечал, кровь стучала в висках, щека дергалась. Мимо капрала, замершего у двери, как восковая кукла, из кабинета, из приемной. Наконец он оказался в пустом коридоре административного корпуса и сначала мысленно, а потом вслух отругал себя. Он действительно не умеет подобающим образом вести себя со старшими по званию. Наверное, виной всему его чертово происхождение. Слишком много времени провел он среди генералов и адмиралов, толпившихся в доме Форкосиганов. Слишком долго просидел среди них незаметным мышонком, выслушивая их откровения и споры. Младший лейтенант должен видеть в своем командире бога, а не будущего подчиненного. Совершенно естественно со стороны генерала смотреть на новоиспеченного младшего лейтенанта как на существо низшего сорта.

И все же... С Метцовым что-то явно не так. Майлз знал таких, как он, – энергичных, умных вояк, пока дело не касалось политики. Как самостоятельная политическая сила они исчезли с горизонта двадцать с лишним лет назад, после кровавого провала заговора офицеров, ответственных за самоубийственное вторжение на Эскобар. И с тех самых пор мысль о возможности правого переворота, о некоей гипотетической хунте, намеревающейся спасти императора от его собственного правительства, не давала покоя его отцу.

Так, может быть, несомненный политический душок, исходивший от Метцова, и вызвал у него мурашки? Ерунда! Человек с политическими амбициями думал бы, как лучше использовать другого, но не как сильнее его оскорбить. «Или, может, ты дергаешься, оттого, что генерал направил тебя на унижительные штрафные работы?» Садист, получающий наслаждение от издевательств над представителями класса форов, вовсе не обязательно политический экстремист. Разве не мог Метцов когда-то в прошлом обмануться в некоем высокомерном гордом форе? Словом, причиной злобы Метцова могло быть что угодно. Любые мотивы годились – политические, социальные, генетические...

И Майлз, немного придя в себя, захромал дальше, чтобы переодеться в черную рабочую униформу и отыскать инженерную службу Базы. Делать нечего – он влип глубже, чем его скат. Значит, в предстоящие шесть месяцев надо

потихоньку делать свою работу и избегать Метцова. То, что так хорошо получилось у Ана, получится и у него.

Инженер-лейтенант Бонн готовился к поиску ската. Это был худощавый мужчина лет двадцати восьми – тридцати со скуластым отекившим лицом и кожей нездорового желтоватого цвета в багровых пятнах. Оценивающий взгляд, руки умельца и несколько язвительная улыбка, которая, надеялся Майлз, не предназначалась конкретно ему. Бонн и Майлз шлепали по грязи болота, а два техника в черных защитных костюмах наблюдали за ними с тяжелой машины на антигравитационной подушке, стоявшей в безопасности на каменистом склоне. Солнце было бледным, дул нескончаемый холодный и влажный ветер.

– Попробуйте здесь, сэр, – предложил Майлз, пытаясь определиться на местности, которую он видел только в сумерках. – Я думаю, вам придется углубиться по крайней мере метра на два.

Лейтенант Бонн серьезно посмотрел на него, поднял длинный металлический щуп и погрузил в болото. Тот остановился почти сразу. Майлз озадаченно нахмурился. Не мог же скат всплыть наверх...

Бонн, однако, не удивился, налег на стержень всей своей тяжестью и повернул его. Тот пошел вниз.

– На что вы наткнулись? – спросил Майлз.

– На лед, – проворчал Бонн. – В данный момент его толщина примерно три сантиметра. Мы стоим на корке льда. Она под поверхностным слоем грязи. Похоже на замерзшее озеро, только вместо воды – грязь.

Майлз топнул ногой. Держит. Как и тогда, когда он разбивал лагерь.

Бонн, наблюдавший за ним, добавил:

– Толщина льда зависит от погоды и бывает разной – от нескольких сантиметров до промерзания на всю глубину. В середине зимы вы можете посадить сюда тяжелый грузовой транспорт. С наступлением лета толщина начинает

уменьшаться. При соответствующей температуре грязь может перейти из псевдотвердого в жидкое состояние буквально за несколько часов. И наоборот.

- Да... Мне кажется, я убедился в этом на собственном опыте.

- Нагнитесь, - кратко приказал Бонн, и Майлз, обхватив стержень, помог толкать его вниз. Он почувствовал, как щуп с натугой проходит сквозь слой льда. А если бы в ту ночь, когда грязь оттаяла и он утонул, температура опустилась чуть ниже - смог бы он пробиться сквозь ледяную крышу? Поежившись, Майлз подтянул повыше молнию своей куртки.

- Замерзли? - спросил Бонн.

- Нет. Подумал кое о чем.

- Прекрасно. Постарайтесь, чтобы это вошло у вас в привычку. - Бонн нажал на клавишу, и от звука эхолотатора, вмонтированного в стержень, заломило зубы. На экране, в нескольких метрах от них, показался каплеобразный контур. - Вот он. - Бонн прочел показания прибора. - Он действительно здесь. Я бы заставил вас откопать его чайной ложкой, младший лейтенант, но думаю, прежде чем вы закончите, наступит зима. - Он вздохнул и посмотрел на Майлза, как бы представляя себе эту картину.

Майлз тоже представил ее себе.

- Да, сэр, - осторожно сказал он.

Они вытащили щуп обратно. Руки в перчатках скользили по налипшей на него грязи. Бонн отметил место и махнул техникам:

- Сюда, ребята!

Те быстренько залезли в машину, а Бонн и Майлз отошли подальше и остановились там, где под ногами был камень.

Машина поднялась в воздух и зависла над болотом. Мощный силовой луч, рассчитанный на работу в космических условиях, устремился вниз, и навстречу

ему с грохотом взметнулся гейзер из грязи, остатков растительности и льда. Через пару минут образовался кратер с жидкими стенками, на дне которого виднелось что-то округлое. Стенки кратера немедленно поползли вниз, но водитель сузил луч и остановил их. С чмокающим звуком скат вырвался наконец из плена. Под ним на цепи болталась обвисшая палатка. Машина осторожно подняла, а затем опустила свою ношу на каменистую поверхность.

Бонн и Майлз подошли взглянуть на раскисшие останки.

- Вы были в этой палатке, младший лейтенант? - спросил Бонн, пнув ее ногой.

- Да, сэр, в ней. Ожидал рассвета. И... уснул.

- Но вы же выбрались наружу?

- Когда я проснулся, она уже утонула.

Брови Бонна полезли кверху.

- И глубоко?

Майлз провел ребром ладони на уровне щеки.

- Как же вы выбрались? - удивился Бонн.

- С трудом. Вероятно, помогло отчаяние. Пришлось вылезти из ботинок и брюк. Кстати, разрешите посмотреть, что там с моими ботинками, сэр.

Бонн махнул рукой, и Майлз снова направился в болото, обходя отброшенную лучом породу и стараясь держаться на безопасном расстоянии от заполняющейся водой воронки. Он отыскал перепачканный ботинок, второго не было видно. Не сохранить ли этот на случай, если ему ампутировать ногу? А вдруг это будет не та нога? Он вздохнул.

Бонн хмуро глядел на грязный ботинок в руке Майлза.

- Но вы же могли погибнуть, - сказал он.

- И даже несколько раз. Задохнуться в палатке, застрять в болоте или замерзнуть в ожидании помощи.

Бонн пристально смотрел на него:

- Да уж. - С безразличным видом, как бы желая осмотреться, он отошел от лежащей на земле палатки. Майлз следовал за ним. Убедившись, что техники не слышат его, Бонн остановился, окинул взглядом болото и, как бы продолжая беседу, произнес:

- До меня дошли слухи (неофициальные, разумеется), что один из механиков гаража, Паттас, хвастался приятелю, как ловко он подстроил вам западню. И как вы глупы. Правда, похвальба обошлась бы ему дорого... если бы вы погибли.

- Тогда не имело бы никакого значения, хвастался он или нет, - пожал плечами Майлз. - То, что упустило армейское расследование, наверняка обнаружила бы Имперская служба безопасности.

- Так вы знаете, что вам подстроили ловушку? - медленно произнес Бонн, глядя на горизонт.

- Конечно.

- Тогда мне непонятно, почему вы не вызвали Имперскую службу.

- Разве это так сложно? Подумайте, сэр.

Бонн снова осмотрел Майлза, как бы исследуя его физические недостатки.

- И все-таки кое-чего я не могу понять. Почему вам разрешили поступить на службу?

- А как вы думаете?

- Привилегия форов.

- Это только одна из причин.

- Но в таком случае почему вы здесь? Вам бы служить в штабе.

- Форбарр-Султан в это время года очаровательное место, – согласился Майлз. (Как-то там поживает кузен Айвен?) – Но я хотел служить на корабле.

- И вам не смогли этого устроить? – скептически поинтересовался Бонн.

- Мне сказали, я должен заработать это назначение. Доказать, что смогу вынести тяготы армейской жизни. Или... что не смогу. Если бы я вызвал команду ищеек службы безопасности и они перевернули базу вверх дном в поисках заговора (которого, на мой взгляд, не существовало), разве это приблизило бы меня к моей цели?

Даже если бы ему удалось добиться официального расследования и допрос с суперпентоталом показал, что правда на его стороне, весь этот шум повредил бы его карьере гораздо больше, чем два наложенных на него наказания. Нет. Никакая месть не стоила «Принца Зерга».

- Гараж находится в ведении инженерной службы. Если Имперская безопасность займется им, они неизбежно займутся мной. – Карие глаза Бонна сверкнули.

- Вы сами вольны заниматься кем вам угодно, сэр. А если вы умеете добывать информацию по неофициальным каналам, значит, можете и передать ее кому следует. А о том, что случилось, вы знаете только с моих слов. И это еще ни о чем не говорит. – Майлз поднял бесполезный ботинок и зашвырнул его в болото.

Бонн с задумчивым видом следил за его полетом, пока тот не шлепнулся в образовавшийся пруд.

- Слово фора?

- В наше дегенеративное время оно ничего не стоит. – Майлз невесело усмехнулся. – Спросите кого угодно.

– Угу. – Бонн кивнул головой и пошел назад, к машине.

На следующее утро, ровно в пять, Майлз явился в гараж службы обеспечения, чтобы выполнить вторую часть работы по приведению ската в порядок – очистку оборудования от грязи. Солнце светило уже вовсю, но Майлз никак не мог до конца проснуться. Только проработав около часа, он согрелся и начал входить в ритм.

В шесть тридцать появился невозмутимый лейтенант Бонн. Он привел Майлзу двух помощников.

– А, капрал Олни и техник Паттас! Вот мы и встретились, – как ни в чем не бывало приветствовал их Майлз. Парочка обменялась беспокойными взглядами. Майлз был сама невозмутимость.

Зато он заставил их (и себя, конечно) пошевеливаться. Разговоры свелись к коротким, сухим техническим репликам, и к тому времени, когда Майлзу надлежало поступить в распоряжение лейтенанта Ана, скат и оборудование были гораздо в лучшем состоянии, чем когда он их получал.

Майлз вполне искренне пожелал своим помощникам, к этому времени почти впавшим в панику от тревоги, удачного дня. Если они так ничего и не поняли, значит, дело дрянь. Как ему легко находить общий язык с умными людьми, вроде Бонна, и какая мука – с такими вот субъектами. Сесил прав: пока он не научится командовать тупицами, ему не стать настоящим офицером. По крайней мере здесь, в лагере «Вечная мерзлота».

На следующее утро, третье из определенных ему в наказание семи, Майлз представился сержанту Ньюву. Тот снабдил его скатом, набитым оборудованием, диском с инструкциями по его обслуживанию и графиком работ по мелиорации и прокладке дренажных труб на базе Лажковского. Да уж, интересное задание. Хотелось бы знать, откуда оно исходит? Может, от Метцова? Хорошо, если так.

В помощь Майлзу прислали тех же двоих. Эта работа была так же незнакома Олни и Паттасу, как и ему, а посему злополучная парочка не имела перед ним никаких преимуществ. Так же, как и он, они должны были вникать в инструкции. Майлз штудировал тонкости неведомого ему предмета с маниакальным упорством, тогда как его помощники-тугодумы становились все мрачнее.

Собственно говоря, оборудование для очистки труб и впрямь поражало воображение. И даже вызывало восхищение. А технология промывки трубопроводов под высоким давлением заслуживала самой высокой оценки. Некоторые используемые при этом химические компоненты обладали свойствами, незаменимыми на войне, например способностью мгновенно растворять что угодно, включая человеческую плоть. За следующие три дня Майлз узнал об инфраструктуре базы все что можно, и даже больше. Он даже рассчитал точку, в которую нужно поместить соответствующий заряд, чтобы вывести из строя всю систему, если ему взбредет в голову расквитаться с этим местечком.

На шестой день Майлза и его команду послали чистить засорившуюся трубу, отводящую воду со стрельбищ. Поднявшаяся вода почти заливала дорожную насыпь. Но когда Майлз вытащил из багажника телескопический щуп и погрузил его в воду, тот не встретил никаких препятствий – с затопленной стороны трубы ничто не преграждало путь воде. Пробка где-то дальше, вернее, глубже. Только этого не хватало! Майлз протянул щуп Паттасу, перешел на другую сторону дороги и заглянул в канаву. Труба была около полуметра в диаметре.

- Дайте фонарь, - приказал он Олни.

Скинул куртку на корпус ската, он слез в канаву и направил свет фонаря в отверстие трубы. Та, видимо, слегка изгибалась, и он ни черта не увидел. Сравнив ширину плеч Олни, Паттаса и своих, Майлз вздохнул.

Существует ли занятие, более далекое от обязанностей офицера космического корабля? Копание в недрах трубы напоминало Майлзу исследование пещер в Дендарийских горах. Земля и вода против огня и воздуха. Чертовски много женского начала, хорошо если потом прибудет мужского.

Покрепче сжав фонарь, Майлз на четвереньках кое-как втиснулся в трубу.

Колени тут же онемели от холода – черная ткань униформы пропускала воду. Затем промокла одна из перчаток, и Майлз чуть не вскрикнул: впечатление было такое, будто по запястью резанули ножом.

Он вдруг подумал об Олни и Паттасе. За эти дни между ними установились прохладные, но вполне сносные деловые отношения, основанные, как понимал Майлз, в основном на страхе Божьем, который заронил в их души добрый ангел – лейтенант Бонн. Кстати, каким образом Бонн приобрел подобный авторитет? Надо разобраться. Конечно, он прекрасный работник, но это ли главное?

Майлз прополз искривленный участок. А вот и препятствие. Он посветил на закрывающую проход массу – и отпрянул с проклятиями. Потом собрался с духом, рассмотрел ее получше и начал пятиться назад.

Когда он, уже стоя в канаве, распрямлял затекшую спину, над ограждением дороги появилась голова капрала Олни.

– Ну, что там, лейтенант?

Все еще тяжело дыша, Майлз улыбнулся ему:

– Пара ботинок.

– И только? – удивился Олни.

– Они на ногах хозяина.

Глава 4

По переговорному устройству был вызван врач – с инструментами, мешком для тела и средствами транспортировки. Затем с помощью своей команды Майлз перекрыл верхний конец дренажной трубы пластмассовым щитом, одолженным с ближайшего стрельбища. Он уже настолько промок и окоченел, что ему было все равно, и он снова заполз в трубу – привязать веревку к обутом в ботинки лодыжкам. Когда Майлз оказался снаружи, его встретили только что прибывшие

врач и санитар.

Врач, крупный лысеющий мужчина, подозрительно заглянул в трубу:

– Что вы смогли там увидеть, младший лейтенант? Что случилось?

– С этой стороны я не мог увидеть ничего, кроме ног, сэр, – доложил Майлз. – Кто-то застрял там. Мне кажется, что труба под ним проржавела. Нужно посмотреть, нет ли там еще чего.

– Как он там, черт побери, оказался? – Врач почесал свою покрытую веснушками лысину.

Майлз развел руками:

– Странноватый способ покончить жизнь самоубийством. Медленный и без гарантии, все равно что топиться.

Чтобы сдвинуть с места застрявшее в трубе тело, пришлось прибегнуть к помощи Олни, Паттаса и санитары. Наконец в потоке грязной воды из трубы показался труп. Паттас и Олни тут же отошли в сторону, Майлз остался возле врача. Тело в промокшей черной униформе напоминало восковую куклу грязно-синего цвета. Нашивка на рукаве и найденные в карманах документы идентифицировали мертвеца как рядового из службы снабжения.

За исключением синяков на плечах и исцарапанных рук, на теле не было никаких повреждений. Врач начал записывать на диктофон короткое предварительное заключение, состоявшее в основном из отрицаний. Сломанных костей нет, разрывов тканей нет. Пострадавший либо утонул, либо переохладился, либо имело место сочетание обеих причин. Смерть наступила примерно двенадцать часов назад. Выключив диктофон, он добавил через плечо:

– С полной уверенностью я смогу судить об этом, когда бедняга окажется в прозекторской.

– И часто такое здесь случается? – тихо спросил Майлз.

Врач хмуро посмотрел на него:

– Каждый год мне приходится кромсать нескольких идиотов. Чего еще ждать, собирая пять тысяч мальчишек в возрасте от восемнадцати до двадцати на этом Богом забытом острове и заставляя их играть в войну. Хотя, надо признать, этот нашел весьма оригинальный способ попасть на мой стол. Я думаю, такого вы еще не видели.

– Значит, на ваш взгляд, он сам сделал это? – спросил Майлз и тут же подумал: «Наверняка. Неужели такое может прийти в голову кому бы то ни было – сначала убить человека, потом запихнуть его сюда?»

Врач подошел к трубе и, сев на корточки, заглянул внутрь.

– Похоже, так. Не хотите еще раз осмотреть ее, младший лейтенант? На всякий случай?

– Хорошо, сэр. – Майлз надеялся, что этот раз действительно будет последним. Он никогда не думал, что прочистка дренажных труб может оказаться столь... волнующим занятием. Он прополз по всей трубе до установленной ими заглушки, проверяя каждый сантиметр, но нашел только оброненный погибшим ручной фонарик. Очевидно, рядовой оказался в трубе, преследуя какую-то цель. Какую? Что было на уме у этого несчастного? Зачем карабкаться по трубе в середине ночи, во время сильного дождя? Майлз выбрался назад и отдал фонарь.

Он помог врачу и санитару засунуть тело в мешок и погрузить в транспорт, после чего приказал Олни и Паттасу убрать щит и вернуть его на прежнее место. Из нижнего конца трубы с грохотом вырвался поток мутной воды и понесся по канаве. Врач, стоя рядом с Майлзом, облокотился о дорожное ограждение и смотрел, как понижается уровень воды в искусственной запруде.

– Думаете, там на дне еще один? – меланхолично поинтересовался Майлз.

– Этот парень был единственным, кто числился пропавшим в утреннем рапорте, – ответил врач, – так что вряд ли. – Хотя чувствовалось, что биться об заклад он не стал бы.

Когда вода наконец спала, единственной вещью, оставшейся на земле, оказалась куртка рядового. Очевидно, перед тем как влезть в трубу, он снял ее и повесил на ограждение, с которого она свалилась или была сдута ветром. Врач забрал ее с собой.

– А вы даже не поморщились, – с уважением заметил Паттас, когда Майлз отошел от багажника тронувшейся медицинской машины. Он был ненамного старше Майлза.

– Вы когда-нибудь видели метрвецов? – спросил Майлз устало.

– Нет. А вы?

– Видел.

– Где?

Майлз молчал. События трехлетней давности всплыли перед его глазами. О тех нескольких месяцах, когда он, путешествуя по другим планетам, оказался втянутым в вооруженное противостояние и по воле случая столкнулся с космическими наемниками, нельзя было не то что упоминать – даже намекать. Как бы там ни было, сражения у Тау Верде наглядно ему показали, в чем разница между войной и военными играми.

– Это было давно, – неопределенно ответил Майлз. – Пришлось пару раз.

Паттас пожал плечами и отошел.

– Ну что ж, – неохотно признал он через плечо. – Вы не боитесь испачкать руки, сэр.

Майлз удивленно поднял брови. «Нет. Чего-чего, а этого я не боюсь».

Он отметил на схеме прочищенную трубу, доставил скат, оборудование и притихших Олни и Паттаса сержанту Ньюву в службу обеспечения и направился в офицерские казармы. Никогда еще он так не нуждался в горячей ванне.

Шлепая мокрыми ногами по коридору, Майлз направлялся в свою комнату, когда знакомый офицер высунул голову из двери.

– Младший лейтенант Форкосиган?

– Да?

– Недавно вам звонили по видео. Я записал номер.

– Звонили? – Майлз остановился. – Откуда?

– Из Форбарр-Султана.

Майлз похолодел. Что-нибудь дома?

– Спасибо.

Он двинулся в другой конец коридора, к видеокабине, предоставленной в распоряжение офицеров его этажа. Сев в кресло, он вызвал записанный номер. Раздалось несколько гудков, потом экран ожил. На нем материализовалось красивое улыбающееся лицо его кузена Айвена.

– А, Майлз. Наконец-то!

– Айвен! Откуда ты, черт побери? Где ты находишься?

– О, я дома. У себя дома, не у матери. Я подумал, тебе захочется взглянуть на мою новую квартиру.

У Майлза появилось смутное ощущение, будто он случайно соединился с неким параллельным измерением или другим астральным миром. Форбарр-Султан, подумать только! Когда-то и он жил в этом городе. В другом воплощении. Века тому назад.

Айвен между тем взял в руку камеру и обвел ею вокруг себя:

– Что, хороша квартирка? Полностью меблирована. Я снял ее у одного капитана из оперативного отдела, которого перевели на Комарру. Недурственная сделка, правда? Только вчера переехал. Видишь балкон?

Майлз видел сквозь балконные прутья полуденное небо цвета меди. Вдали, купаясь в золотом мареве, раскинулся Форбарр-Султан, похожий на сказочное видение. На перилах балкона стояли цветы, такие жгуче-красные, что глазам стало больно. Майлз чувствовал, что вот-вот расплачется.

– Прекрасные цветы, – выдавил он из себя.

– Их принесла моя девушка.

– Девушка? – Ах да, когда-то человеческий род делился на два пола. От одного пахло лучше, чем от другого. Гораздо лучше. – Которая из них?

– Татти.

– Я ее видел? – Майлз попытался вспомнить.

– Нет, новенькая.

Айвен перестал водить камерой по комнате и снова появился на экране. Раздражение Майлза немного улеглось.

– Как там у вас с погодой? – Айвен взглянул на него внимательнее. – Да ты мокрый, как губка! Чем это ты там занимался?

– Судебной медициной и... трубопроводами, – помедлив, ответил Майлз чистосердечно.

– Что? – Брови Айвена поползли вверх.

Тут Майлз чихнул:

– Послушай, я рад тебя видеть и все такое... – Собственно говоря, он действительно был рад, только эта радость почему-то причиняла боль. – Но у нас середина рабочего дня.

– А я отпросился пару часов назад, – благодушно заметил Айвен. – Мы с Татти собрались пообедать. Еще немного, и ты не застал бы меня. Поэтому расскажи мне поскорее, как там живется у вас в пехоте?

– О, великолепно. Вот где настоящая служба. – Майлз не стал уточнять, что он имеет в виду. – Это тебе не... оранжерея для никому не нужных задирающих нос форов, вроде Имперского генштаба.

– Я занят важным делом! – возразил уязвленный Айвен. – Даже тебе понравилась бы моя работа. Мы обрабатываем информацию. Просто удивительно, сколько информации получает Оперативный отдел за день. Чувствуешь себя в курсе всего. Как раз для таких, как ты.

– Вот как. А мне кажется, тебе подошла бы база Лажковского, Айвен. Может, там, наверху, перепутали наши назначения, а?

Айвен почесал нос и хихикнул:

– Не думаю. – Но его легкомысленный тон тут же стал серьезным. – Ты смотри там, поосторожнее. Вид у тебя не блестящий, знаешь ли.

– Утро у меня было бурным. А если ты оставишь меня в покое, я смогу принять душ.

– Ладно, ладно. Беги!

– Желаю приятно пообедать.

– Все будет отлично. Пока.

Голос из другого мира. И это при этом, что Форбарр-Султан всего в двух часах суборбитального полета. Теоретически. И все же Майлз чувствовал удовлетворение от того, что ему напомнили – планета не съежилась до

свинцово-серых горизонтов острова Кайрил.

* * *

Оставшуюся часть дня Майлз с трудом заставлял себя заниматься метеорологией. К счастью, его начальник не обращал на него внимания. После того как затонул скат, Ан хранил виноватое молчание, прерывая его, только когда к нему обращались с каким-либо вопросом. Посему, освободившись, Майлз направился прямо в лазарет.

Когда он просунул голову в дверь, врач еще работал, во всяком случае сидел за своим столом.

– Добрый вечер, сэр.

Врач недовольно поднял голову:

– В чем дело, младший лейтенант?

Несмотря на официальный тон, Майлз счел это за приглашение и вошел в комнату.

– Мне интересно, что вы узнали о том парне, которого мы утром вытащили из трубы.

Врач пожал плечами.

– Не слишком много. Его личность удостоверена. Утонул. Все признаки несомненно указывают на то, что он попал в трубу меньше чем за полчаса до смерти. Я квалифицировал это как смерть от несчастного случая.

– Да, но при каких обстоятельствах это произошло?

– Что? – Врач недоуменно поднял брови. – Если парень сам себя загубил, значит, он один и мог бы ответить на ваш вопрос, не так ли?

– Неужели вам не хочется знать наверняка?

– Зачем?

– Ну... просто, чтобы знать. Быть уверенным в своей правоте.

Врач нахмурился.

– Я не ставлю под сомнение ваше медицинское заключение, сэр, – торопливо добавил Майлз. – Но все это чертовски странно. Разве вам не любопытно?

– Нисколько, – отрезал его собеседник. – Я рад, что это не самоубийство и не злой умысел, а что касается деталей, то, какими бы они ни были, в конце концов парень погиб из-за своей дурачности. Или у вас другое мнение?

Майлз подумал, что сказал бы врач о нем, если бы он утонул вместе со скатом.

– Вероятно вы правы, сэр.

Выйдя из лазарета на холодный ветер, Майлз остановился. В самом деле, о чем он беспокоится? Труп – не по его части. Это же не игра в прятки. Он передал дело в нужные руки. И все же...

До захода солнца оставалось несколько часов... Все равно у него проблемы со сном. Майлз вернулся в комнату, переоделся в спортивный костюм, сунул ноги в кроссовки и решил пробежаться.

Дорога, ведущая к бездействующим стрельбищам, была пустынна. Солнце медленно приближалось к горизонту. Майлз с бега перешел на шаг. Скрытые брюками стержни на ногах натирали ноги. Скоро ему придется найти время, чтобы заменить хрупкие кости ног синтетическими. В конце концов, если все обернется совсем плохо, эта тривиальная операция послужит отличным предлогом покинуть остров Кайрил, не дожидаясь, пока истекут положенные шесть месяцев этой каторги. Хотя это и смахивает на мошенничество.

Майлз огляделся. Если бы он был на месте злополучного рядового, упрямо шагавшего в темноте под проливным дождем, что бы он видел? Что могло привлечь его внимание именно к этой канаве? И вообще, какого черта его понесло сюда среди ночи? Дорога вела к полосе препятствий и огневому рубежу, больше здесь ничего не было.

Вот и канава... Нет, та была чуть дальше. На полукилометровом отрезке насыпной дороги размещались четыре водопропускные трубы. Майлз нашел нужное место и наклонился над ограждением, вглядываясь в успокоившуюся воду. Он не заметил ничего стоящего внимания. Почему, почему, почему это случилось?

Он перешел на другую сторону, осмотрел дорожное покрытие, ограждение, заросли мокрого папоротника. Прошелся до поворота, пошел обратно. Вернулся к первой канаве. Ничего.

Майлз облокотился на ограждение и задумался. Хорошо, попытаемся мыслить логически. Какая сила заставила рядового залезть в трубу, несмотря на опасность? Гнев? В таком случае – кому он предназначался? Страх? Тогда – кто преследовал его? Или это нелепая случайность, оказавшаяся роковой? Майлз знал толк в ошибках. А что, если этот горемыка ошибся трубой?..

И Майлз, не долго думая, соскользнул в первую канаву. Погибший мог методично проверять все водопропускные трубы. Если так, откуда он начал: со стороны базы или от стрельбищ? Или в темноте под дождем перепутал и залез не в ту трубу, какая была нужна ему? Придется обыскать все четыре, но хорошо, если бы повезло с первого раза. Труба была немного шире, чем та, в которой рядовой нашел гибель. Майлз вытащил из-за пояса фонарик, залез в отверстие и сантиметр за сантиметром принялся исследовать круглую пустоту.

– Ага, – удовлетворенно произнес он, одолев примерно половину пути. То, за чем он охотился, находилось здесь и было приклеено липкой лентой к верхней части трубы. Сверток, упакованный в водонепроницаемую пластиковую пленку. Интересно! Майлз быстро пополз обратно и уселся прямо в отверстии, не обращая внимания на воду.

Сверток лежал у него на коленях, и Майлз смотрел на него, словно это был рождественский подарок. Что там: наркотики, контрабанда, секретные

документы, преступные деньги? Он предпочел бы секретные документы, хотя трудно представить себе человека, которого посетила бы бредовая идея засекретить что-либо на острове Кайрил – за исключением рапортов о действительном состоянии дел. Наркотики тоже неплохо, но обнаружить шпионскую сеть – это была бы настоящая удача. Он стал бы героем в глазах службы безопасности, а там... Мысли Майлза понеслись вскачь: он уже продумывал, как поведет расследование. Он пройдет по следам мертвеца и от мелких улик выйдет на главаря, занимающего, может быть, высокий пост. Драматические аресты, благодарности в приказе от самого Саймона Иллиана... Сверток был мягким, но внутри что-то похрустывало.

С бьющимся сердцем Майлз открыл пакет – и замер.

Сласти. Десятка три маленьких конфет, глазированных, с начинкой из засахаренных фруктов, которые обычно готовили для празднования дня летнего солнцестояния. Конфеты, пролежавшие полтора месяца...

Майлз хорошо знал казарменную жизнь, и воображение быстро подсказало ему остальное. Рядовой получает посылку от любимой, матери или сестры и прячет ее, чтобы уберечь от прожорливых, равнодушных соседей. Вероятно, скучая по дому, он разделил ее на порции и потихоньку лакомился. А может, конфеты были припрятаны для какого-то особого случая.

Два дня шли проливные дожди, и несчастный начал беспокоиться. Он пошел проведать спрятанное сокровище, но в темноте просмотрел первую трубу. Отчаянно спеша, потому что вода все прибывала, полез во вторую – и слишком поздно понял свою ошибку...

Горькая, бессмысленная гибель. Горькая, неотвешивающая история. Майлз вздохнул, завернул конфеты и потрусил обратно к базе, зажав под мышкой маленький сверток.

Когда Майлз добрался до лазарета и рассказал о своей находке, реакция врача была однозначной:

– А я что говорил? Отправился на тот свет по собственной дурости. – И он с рассеянным видом надкусил конфету.

На следующий день срок принудительных работ Майлза в службе обеспечения кончался. Ничего интереснее утопленника в трубах не оказалось. Может, оно и к лучшему, потому что прибыл из отпуска служивший под началом Ана капрал, и Майлз обнаружил, что тот настоящий кладезь по части информации, которую он с такими муками добывал все эти две недели. Правда, у капрала не было носа Ана.

Ан покидал лагерь «Вечная мерзлота» почти трезвым. Он поднялся по трапу катера без посторонней помощи. Майлз, провожавший его до самой посадочной площадки, никак не мог понять, радоваться ему или грустить. Сам метеоролог выглядел счастливым. Его невеселая физиономия почти сияла.

- И куда вы после отставки? - спросил Майлз.

- На экватор, - незамедлительно ответил Ан.

- Понятно. А в какое место?

- Не важно, лишь бы это был экватор, - горячо ответил Ан.

Майлз понадеялся, что там хотя бы нет вулканов.

На трапе Ан остановился и посмотрел вниз, на Майлза. Он явно хотел что-то сказать, но колебался.

- Остерегайтесь Метцова, - наконец решился он.

Это запоздалое предупреждение прозвучало крайне неопределенно. Майлз с удивлением поднял глаза на Ана:

- Кажется, я не украшаю собой список его гостей.

Ан поежился:

- Я имел в виду другое.

– Что же?

– Как вам сказать... Однажды я видел... – Ан покачал головой. – Это было очень давно. Во время Комаррского мятежа случались странные вещи... Одним словом, лучше, если б вы держались подальше от Метцова.

– Мне уже приходилось иметь дело с солдафонами.

– Метцов не то чтобы солдафон. Но у него есть одна черта, которая... Короче, он может быть опасен. Никогда не угрожайте ему, ладно?

– Мне – угрожать Метцову? – Лицо Майлза вытянулось от удивления. Может быть, он ошибся, и Ан не так трезв, как ему кажется. – Послушайте, Ан, он не может быть настолько плох, иначе его не поставили бы руководить учебным лагерем.

– Метцов не командует обучающимися, у них свое командование. Инструкторы имеют дело только с их командирами. Под началом Метцова всего лишь постоянный контингент базы. Вы – колючая штучка, Форкосиган. Никогда, никогда не доводите его до крайности, иначе пожалеете. Вот и все, что я хотел вам сказать. – И Ан решительно взбежал по трапу.

«Я уже жалею», – хотел крикнуть ему вслед Майлз. Правда, положенная ему неделя штрафных работ кончилась. Наверное, Метцов думал унизить его, но вышло так, что ему предоставилась возможность обрести новый опыт. Унизительно было другое – утопить свой скат, например. Но это он проделал самостоятельно. Майлз в последний раз махнул Ану, когда тот уже входил в люк, и двинулся по шоссе к уже привычному силуэту административного корпуса.

Во время обеда, когда капрал покинул метеоцентр, Майлз поддался искушению вытащить занозу, застрявшую в нем после разговора с Аном. Он извлек из компьютера официальное досье Метцова. Простое перечисление дат назначений и повышений мало о чем говорило, хотя знание истории помогало Майлзу читать между строк.

Стало быть, Метцов поступил на службу почти тридцать пять лет назад. Ничего удивительного, что наибольшее продвижение по служебной лестнице пришлось на время завоевания Комарры, около четверти века назад. Изобилующая п-в-

туннелями система Комарры была для Барраяра единственными воротами к еще более разветвленным узлам галактических маршрутов. В начале века правящая Комаррой олигархия, получив взятку, позволила цетагандийскому флоту пройти через их туннель к Барраяру. Чтобы изгнать цетагандийцев, Барраяру пришлось пожертвовать целым поколением, но он сторицей расплатился с Комаррой во времена расцвета славы графа Форкосигана. Получение доступа к туннелям Комарры превратило Барраяр из захолустной провинции в небольшую, но заметную галактическую силу.

Каким-то образом Метцов оказался на стороне власти во время попытки переворота Фордариана – типично барраярского заговора против императора Грегора, тогда пятилетнего, и его регента. До сих пор Майлз думал, что именно выступление на стороне мятежников обрекло столь компетентного офицера на прозябание во льдах острова Кайрил. Однако, как оказалось, карьера Метцова закончилась шестнадцать лет назад, во время Комаррского мятежа. Причины указано не было, если не считать ссылки на другой файл. Майлз узнал код Имперской службы безопасности. Раз так, этот конец отрублен.

А может, все-таки нет? Сосредоточенно хмурясь, Майлз набрал новый код.

– Оперативный отдел, офис коммодора Джолифа, – официально начал материализовавшийся на экране Айвен. Но в последнюю секунду он узнал Майлза и расплылся в улыбке: – А, привет! В чем дело?

– Я провожу небольшое расследование. Ты мог бы мне помочь.

– Да уж, конечно, станешь ты звонить в Генштаб, чтобы просто поболтать со мной. Ну, что тебе надо?

– Ты сейчас один в офисе?

– Да, старик заседает в комитете. Мы получили хорошенький щелчок по носу: зарегистрированный на Барраяре грузовой корабль арестован на Ступице Хеджена – на Верванской станции – по подозрению в шпионаже.

– А разве мы не можем вмешаться? Попробовать освободить его?

– Без согласия Пола не можем. Ни один барраярский военный корабль не вправе сейчас пользоваться туннелями.

– Мне казалось, у нас с Полом что-то вроде дружбы.

– Так и есть. Но Верван пригрозил Полу разорвать с ним дипломатические отношения, поэтому Пол осторожничает. Самое смешное, что грузовик не имеет никакого отношения к нашей агентуре. Похоже, обвинение высосано из пальца.

Галактическая п-в-политика. Стратегия п-в-переходов. Тактика п-в-переходов. Проблемам, связанным с ними, и были посвящены курсы, которые Майлз усердно изучал в Имперской академии. И как, наверное, тепло на этих космических кораблях и станциях! Майлз завистливо вздохнул.

Глаза Айвена сузились: он явно заподозрил неладное.

– Зачем тебе знать, один ли я?

– Затем, что мне нужен один файл. История старая, к теперешним делам отношения не имеет, – успокоил его Майлз и быстро назвал код.

– Ясно. – Айвен начал набирать цифры, но вдруг остановился: – Ты с ума сошел! Это же файл данных Имперской службы безопасности. Я ничего не могу с ним поделать!

– Ну, там, где ты находишься, это не большая проблема, согласись.

Айвен упрямо покачал головой:

– Теперь уже большая. Вся база данных Имперской безопасности стала сверхсекретной. Данные оттуда можно получить только через декодер, который надо подключать к аппаратуре и за который я должен расписываться. А чтобы получить право на получение информации, я как минимум должен объяснить, зачем она мне нужна. Может, у тебя есть такое право?

Майлз сердито нахмурился:

- Но ты можешь получить эту информацию по вашей внутренней сети.

- По внутренней могу. Но как я передам данные из внутренней сети во внешнюю? Так что - прости.

- погоди. У тебя в комнате есть коммуникационное устройство внутренней сети?

- Конечно.

- Тогда, - быстро произнес Майлз, - вызови на него файл, поверни стол и пусть два видео поговорят друг с другом. Это ведь ты можешь?

Айвен почесал в затылке.

- А получится?

- Да попробуй же!

Пока Айвен перетаскивал стол и крутил ручки настройки, Майлз нетерпеливо постукивал пальцами по столу. Сигнал был нечеткий, но прочитать можно.

- Оставь так, лучше не будет. Попробуй показывать файл по страницам.

Сведения были чрезвычайно интересными. Файл представлял собой подборку донесений о загадочной смерти пленного, находившегося в ведении Метцова, - мятежника с Комарры, убившего охранника и, в свою очередь, убитого при попытке к бегству. Когда служба безопасности затребовала тело убитого для вскрытия, Метцов предоставил им только пепел: он сожалеет, но если бы ему сказали об этом чуточку раньше, и т. п.

Следователь, занимавшийся делом, полагал, что Метцов пустил в ход пытки, строго запрещенные в армии (возможно, как месть за смерть охранника), но не смог собрать доказательства, позволяющие произвести медикаментозный допрос барраярских свидетелей, среди которых был младший инженер-лейтенант Ан. Следователь выразил официальный протест против решения закрыть дело, и на этом, как водится, все закончилось. Если у жутковатой истории и было продолжение, то сведения об этом хранились только в

феноменальной памяти Саймона Иллиана. Но карьере Метцова тем не менее пришел конец, жестокий конец – остров Кайрил.

– Майлз, – в четвертый раз пытался дозваться его Айвен. – Зря мы с тобой все это затеяли. Информация имеет гриф «После прочтения сжечь».

– Ну и что? Если бы в этом было что-то предосудительное, нам бы не выпала такая возможность. Чтобы вызвать файл, ты должен был прибегнуть к помощи декодера. Ты слышал когда-нибудь про шпиона, который битый час сидел бы в Генштабе, перелистывая секретнейшую информацию?

– Ты прав. – Айвен засмеялся и движением руки стер файл. Изображение на экране заметалось: кузен разворачивал стол. Затем послышались скребущие звуки: он энергично затирает подошвами следы на ковре. – Ничего не было. Никаких файлов. Никакой информации.

– Само собой. Нам с тобой далеко до шпионов. – Тут Майлз задумался, хмуря брови. – Однако... мне кажется, кто-то должен доложить Иллиану об этом небольшом проколе в мерах по обеспечению секретности.

– Только не я!

– А почему бы и нет? Представишь это наблюдение как свидетельство блестящей работы ума. Может, получишь благодарность. Только не проболтайся, что мы действительно сделали это. Хотя мы могли проверять твою теорию, а?

Айвен даже не ответил на шутку.

– Ты просто помешан на карьере. Чтоб я больше не видел твоей физиономии! Если я не дома, разумеется, – прошипел он.

Майлз улыбался, глядя на исчезающего с экрана кузена. Некоторое время он сидел в тишине, наблюдая, как мелькают цвета и оттенки на голографической карте погоды, и думая о командующем своей базы, а также о том, что претерпел непокорный пленный.

Хотя все это давние дела. Метцов через пять лет выйдет в отставку, выслужив двойной срок и двойную пенсию, и превратится в обыкновенного несносного старика. Главное – пережить все это по возможности тихо и незаметно. И исчезнуть с базы Лажковского, не оставив следов. И Метцов будет очередным пройденным этапом.

В следующие несколько недель Майлз занимался рутинной работой, которую находил вполне терпимой. Во-первых, прибыла партия новобранцев. Целых пять тысяч. В их глазах статус Майлза почти достигал человеческого. Когда дни стали короче и темнее, на базу Лажковского обрушился первый в этом сезоне снегопад, которому сопутствовал всесокрушающий ва-ва, длившийся полдня. Прогноз обоих явлений был сделан Майлзом точно и вовремя.

К тому же Майлзу удалось наконец избавиться от репутации первейшего идиота острова Кайрил (сию печальную известность он приобрел, утопив скат) – он уступил ее группе новобранцев, которые однажды ночью умудрились, запуская шутиху, поджечь казарму. На следующий день на нудном совещании по противопожарной безопасности Майлз внес стратегическое предложение – нанести решительный удар по тыловым коммуникациям противника и уничтожить его арсеналы (то есть исключить из меню новобранцев бобовую похлебку), – но под ледяным взглядом Метцова тут же прикусил язык. Однако после совещания серьезный капитан – начальник артиллерии базы – остановил Майлза и поблагодарил его за помощь.

И это называется романтикой военной службы! Долгие часы службы Майлз проводил, сидя в одиночестве в метеоцентре, изучая теорию хаоса, свои отчеты и окружающие его стены. Три месяца прошло, три осталось. Снаружи становилось все темнее.

Глава 5

Майлз уже вскочил с постели и оделся, когда до его все еще затуманенного сном сознания дошло, что сигнал – вовсе не оповещение о ва-ва. Он остановился, держа ботинок в руке. Не был этот сигнал также ни пожарной, ни боевой тревогой. Поэтому, чем бы он ни был, метеоролога базы это не касалось. Ритмичные завывания прекратились. Правильно говорят – молчание золото.

Он посмотрел на светящийся циферблат часов. Еще только вечер. Он проспал два часа мертвым сном после долгой поездки на Станцию Одиннадцать, где под снегом, на ледяном ветру устранял последствия зимнего урагана. Красная лампочка на переговорном устройстве у кровати была темна. Можно улечься снова – постель еще не остыла.

Теперь именно тишина мешала Майлзу погрузиться в блаженное тепло.

Он натянул второй ботинок и высунул голову из двери. Несколько офицеров, стоя на пороге своих комнат, строили гипотезы о возможных причинах тревоги. Натягивая на ходу куртку, поспешно прошел мимо лейтенант Бонн. Лицо его было напряженным, на нем читались беспокойство и досада.

Майлз схватил куртку и поспешил следом.

– Вам не нужна помощь, лейтенант?

Бонн оглянулся на него, поджав губы.

– Может быть, – кивнул он.

И Майлз присоединился к нему, втайне польщенный этим косвенным признанием своей небесполезности.

– В чем там дело?

– Что-то произошло в одном из хранилищ отравляющих веществ. Если это тот бункер, о котором я думаю, у нас будет чем заняться сегодня ночью.

Сквозь двойные, хранящие тепло двери офицерской казармы они вышли на обжигающий ночной холод. Снег похрустывал под ботинками, восточный ветер завивал поземку. Самые крупные звезды над их головами соревновались в яркости с освещающими базу прожекторами. Мужчины сели в скат Бонна. Учащенное дыхание вылетало изо рта клубами пара, и через секунду включился вделанный в потолок влагопоглотитель. Скаты, набирая скорость, уже мчались на запад от базы.

В нескольких километрах от дальних стрельбищ горбились под снегом несколько крытых торфом холмов – бункеры. У одного из них стояло несколько машин – пара скатов, один из которых принадлежал начальнику пожарной команды, и «скорая помощь». Рядом суетились люди с ручными фонарями. Бонн развернулся, припарковался рядом и вышел из ската. Майлз поспешно захромал вслед за ним по утопанному снегу.

Врач командовал двумя санитарями, грузившими в «скорую» тело, прикрытое от обморожения металлизированной пленкой. Второй пострадавший, в рабочей форме, дрожал крупной дрожью и непрерывно кашлял, ожидая своей очереди.

– Как только прибудете на место, немедленно сложите всю одежду в дезактивационный бак, – распорядился врач, поддерживая краешек завернувшейся пленки. – Одежда, белье, бинты – все до последней нитки. Всем пройти полную дезактивационную обработку, прежде чем займетесь сломанной ногой. Обезболивающее поможет ему вытерпеть, а если нет, все равно: дезактивация важнее. Я скоро буду. – Врач отошел от «скорой», насвистывая себе под нос что-то похоронное.

Бонн направился к двери бункера.

– Не открывайте! – тут же в один голос вскрикнули врач и начальник пожарной команды.

– Там теперь никого нет, – добавил врач. – Все эвакуированы.

– Вы мне можете объяснить наконец, что случилось? Что там произошло? – Пытаясь рассмотреть внутренности бункера, Бонн рукой в перчатке скреб замерзшее окошко в двери.

– Двое парней перемещали бочки, чтобы освободить место для прибывающей завтра новой партии, – начал начальник пожарной охраны лейтенант Яски. – Как им это удалось, не понимаю, только они опрокинули погрузчик, причем один попал под него и сломал себе ногу.

– Да, это надо умудриться, – сказал Бонн, представив себе более чем устойчивую конструкцию погрузчика.

– Вероятно, молокососы устроили там гонки, – с раздражением вмешался врач. – Но это еще не самое скверное. При этом они опрокинули несколько бочек фитаина. И по крайней мере две из них дали течь. Эта штука теперь распространилась по всему бункеру. Мы закрыли его как можно плотней. Впрочем, очистка, – закончил врач, – это ваша забота. Я уезжаю. – Впечатление было такое, что ему не терпится вылезти не только из одежды, но и из собственной кожи. Он махнул на прощание рукой и зашагал к скату, торопясь присоединиться к проходящим дезактивацию санитарам и их пациентам.

– Фитаин! – в изумлении воскликнул Майлз. Бонн быстро отошел от двери. Фитаин был мутагенным отравляющим веществом, задуманным как оружие устрашения и никогда, насколько было известно Майлзу, не применявшимся на практике. – Я думал, эта штука давным-давно снята с производства.

– Его действительно не производят почти четверть века, – мрачно ответил Бонн. – Насколько мне известно, наше хранилище – единственное на Барраяре. Но, черт побери, проклятые бочки не должны разрушаться, даже если их сбросить с самолета!

– Да, но им уже двадцать лет, – напомнил пожарный. – Может быть, коррозия?

– В таком случае, – отрывисто спросил Бонн, – что же делать с остальными?

– Может, фитаин разрушается при нагревании? – спросил Майлз, беспокойно оглядываясь, дабы удостовериться, что они стоят с наветренной стороны бункера. – Если мне не изменяет память, все химические соединения при нагревании разлагаются на безобидные компоненты.

– Положим, не совсем безобидные, – уточнил лейтенант Яски. – Но по крайней мере они не раскручивают ДНК в наших генах.

– Лейтенант Бонн, нет ли в хранилище еще каких-нибудь взрывчатых веществ? – спросил Майлз.

– Нет, только фитаин.

– А если швырнуть в дверь пару плазменных мин, разрушится ли фитаин до того, как расплавится крыша?

– Господь с вами! Ни в коем случае нельзя допустить, чтобы расплавилась крыша. Или пол. Если эта штука попадет в вечную мерзлоту... Впрочем, если поставить мины на замедленное тепловыделение, да еще добавить несколько килограммов термостойкого герметика, бункер может самогерметизироваться, – Бонн пошевелил губами, что-то подсчитывая про себя, – ...да, ваш план может сработать. Собственно говоря, это самый простой и надежный способ разделаться с этой ерундой. Особенно если остальные бочки начнут терять герметичность.

– Все зависит от того, куда будет дуть ветер, – заметил Яски, посмотрев в сторону базы, а затем на Майлза.

– До семи ноль-ноль завтрашнего утра ожидается легкий восточный ветер и понижение температуры, – ответил Майлз на невысказанный вопрос. – Потом он переменится на северный и усилится. Условия, благоприятные для начала ва-ва, установятся вечером, около восемнадцати ноль-ноль.

– Тогда лучше осуществить задуманное сегодня, – сказал Яски.

– Идет, – решительно сказал Бонн. – Соберите свою команду, а я свою. Потом я найду план бункера и рассчитаю необходимую скорость выделения тепла. Через час увидимся с вами и начальником артиллерии в административном корпусе.

Чтобы никто не подходил к бункеру, Бонн поставил на пост сержанта из пожарной команды. Незавидное задание, но в данной ситуации неизбежное. К тому же ближе к ночи, когда похолодает, часовой сможет укрыться в своем скате. Майлз вместе с Бонном поехал в административный корпус – еще раз проверить правильность своих прогнозов.

Введя в метеоконьютер свежие данные, чтобы снабдить Бонна наиболее достоверным прогнозом направления ветра на следующие барраярские сутки (продолжительностью 26,7 часа), Майлз увидел в окно, как оба – и Бонн, и Яски – торопливо шагают куда-то в темноту. Может, решили встретиться с начальником артиллерии где-нибудь в другом месте? Майлз подумал было

догнать их, но поскольку новый прогноз мало чем отличался от старого, какой в этом смысл? Для чего ему присутствовать при сжигании ядовитой свалки? Конечно, это могло быть интересным и даже полезным зрелищем, но делать там ему решительно нечего. А будучи единственным ребенком в семье (и, возможно, будущим отцом будущего графа Форкосигана), он даже и не вправе подвергать себя риску мутагенного отравления. Если ветер не переменится, непосредственной опасности для Базы нет... А что, если за всеми его рассуждениями скрывается элементарная трусость? Хотя, говорят, осторожность – великая добродетель.

Окончательно проснувшийся и слишком взбудораженный, чтобы думать о сне, Майлз нервно расхаживал по метеоцентру, вызывая файлы с данными, которые не успел просмотреть утром из-за необходимости устранить неисправность. Через час он сделал все, что отдаленно напоминало работу, и, когда поймал себя на том, что в десятый раз стирает пыль с оборудования и стеллажей, понял, что пора возвращаться в постель, не важно, удастся заснуть или нет. Но тут его внимание привлек мелькнувший за окном луч света от подъехавшего ската.

А, Бонн и Яски вернулись. Уже? Быстро же они управились. Или еще не начинали? Майлз оторвал лист пластика с распечаткой свежего прогноза направления ветра и заторопился вниз, на первый этаж, где в конце коридора располагался инженерный отдел базы.

В кабинете Бонна было темно. Но из двери командующего базы падал свет. Свет – и звуки сердитых голосов. Сжимая в руках распечатку, Майлз подошел ближе.

Дверь в кабинет была распахнута настежь. Метцов сидел за своим столом: одна рука, сжатая в кулак, – на полированной поверхности. Перед ним навтыжку стояли Бонн и Яски. Чтобы дать знать о себе, Майлз похрустел пластиковой распечаткой.

Яски обернулся на звук и увидел Майлза.

– Пошлите Форкосигана, – не своим голосом, быстро и напористо заявил он вдруг Метцову. – Он и без того мутант.

Майлз, поздоровавшись со всеми, спокойно заметил:

– Извините, сэр, это не совсем так. Мое предыдущее знакомство с отравляющими веществами сделало меня уродом, но и только. Мои дети должны быть здоровыми, как у любого другого... Куда же вы предлагаете послать меня, сэр?

Метцов искоса взглянул на Майлза, явно не обратив внимания на дикое предложение Яски.

– Разумеется, они должны надеть защитные костюмы, – раздраженно продолжал он, обращаясь к Бонну. – Я еще не сошел с ума, чтобы отправлять туда их чуть не нагишом.

– Я понимаю, сэр. Но люди отказываются входить в бункер даже в противорадиационных костюмах, – чрезвычайно сухо и спокойно ответил Бонн. – И я не могу винить их за это. По моему мнению, обыкновенные предосторожности не годятся, когда имеешь дело с фитаином. Благодаря своему молекулярному весу это вещество обладает феноменальной проникающей способностью. Проникает даже сквозь импрегнированную ткань.

– Что? Не можете винить своих подчиненных, отказывающихся повиноваться? – переспросил Метцов. – Лейтенант, вы отдали приказ. Во всяком случае, должны были отдать. Надеюсь, вам не надо объяснять, что такое приказ? И что ждет тех, кто не понимает этого?

– Я отдал приказ, сэр, однако...

– Однако дали почувствовать свою неуверенность. Свою слабость. Черт побери, приказы отдают, а не рассусоливают вокруг да около!

– И все-таки не понимаю: почему именно мы должны спасти эту штуку? – уныло произнес Яски.

– Хватит об этом, – отрезал Метцов. – Таков приказ. Тот, кто требует повиновения от других, должен уметь подчиняться беспрекословно.

– Как, не понимая, о чем речь? Слепо? Мы ведь не знаем, что стало с этим ядом за столько лет.

– Ученые, несомненно, имеют рецепт, – невинно вставил Майлз. – Они могут намешать еще, если будет нужно. Свеженького.

– Помолчите, Форкосиган, – прорычал Бонн, даже не взглянув на него, но Метцов соизволил обратить на него внимание:

– Еще один образчик вашего юмора, младший лейтенант, и можете отправляться на гаупвахту.

Майлз захлопнул рот и выдавил из себя натянутую улыбку. «Главное – субординация. Помни о „Принце Зерге“. Пусть Метцов подавится своим фитаином. На здоровье».

– Вы когда-нибудь слышали о прекрасном старом обычае расстреливать трусов, не подчиняющихся приказам, лейтенант? – продолжил Метцов, глядя Бонну в глаза.

– Я... Не думаю, что смогу угрожать этим, сэр, – твердо ответил Бонн.

«И кроме того, мы же не на войне. Или нет?»

– Технари! – с отвращением произнес Метцов. – Я не сказал – угрожать, я сказал – расстрелять. Расстреляйте одного, остальные станут в строй как миленькие.

Майлз подумал, что юмор Метцова еще подозрительнее, чем его собственный. Или генерал выражается фигурально?

– Сэр, фитаин – очень сильный мутаген, – устало произнес Бонн. – Я совсем не уверен, что остальные встанут в строй, чем бы ни грозило обратное. Кроме того, наш разговор зашел слишком далеко. Я, наверное, зарвался.

– Похоже на то. – Метцов холодно посмотрел на него, затем перевел взгляд на Яски, который судорожно сглотнул и, выпрямившись, всем видом показывал, что не уступит. Майлзу хотелось провалиться сквозь землю.

– Если уж вы претендуете на то, чтобы командовать людьми, придется мне, военному, поучить вас, технарей, как это делается, – решил Метцов. – Сейчас вы

оба пойдете и через двадцать минут построите своих людей возле административного корпуса. Мы устроим небольшой старомодный урок дисциплины.

- Но вы же не собираетесь на самом деле расстреливать? - беспокойно спросил Яски.

Метцов угрюмо усмехнулся.

- Не думаю, что дойдет до этого. - Он обратился к Майлзу: - Какая сейчас погода, младший лейтенант?

- Пять градусов мороза, сэр, - отчеканил Майлз. Он твердо решил открывать рот только тогда, когда к нему обратятся.

- А ветер?

- Восточный, два с половиной метра в секунду.

- Превосходно. - Глаза Метцова по-волчьи сверкнули. - Вы свободны, джентльмены. Посмотрим, как вы исполните приказ на сей раз.

Генерал Метцов в теплой куртке и перчатках стоял возле пустого флагштока перед административным корпусом и смотрел на тускло освещенную дорогу. Что он там высматривает? Майлз очень хотел бы это знать. Время приближалось к полуночи. Яски и Бонн вместе со своими людьми стояли ровной безмолвной шеренгой - полтора десятка человек в обогреваемых комбинезонах и куртках.

Майлз снова поежился, не только от холода. Иссеченное шрамами лицо Метцова выглядело усталым и ужасно старым. Генерал напомнил Майлзу деда, когда тот был уже плох. Граф Петер, старый генерал, казался порой живой окаменелостью. Старомодные уроки дисциплины, о которых упоминал Метцов, были вполне во вкусе деда: они подразумевали применение резиновых шлангов со свинцом внутри. Хотя кто знает, чем лакомилось воображение Метцова в военной истории Барраяра?

На губах Метцова появилась нехорошая усмешка, и он повернул голову к дороге, по которой кто-то двигался. Затем подозрительно сердечным тоном обратился к Майлзу:

– Вы знаете, младший лейтенант, в чем был смысл тщательно насаждаемого соперничества между родами войск, существовавшего на старушке Земле? В случае мятежа всегда можно было уговорить пехоту стрелять в моряков и наоборот.

– Мятеж? – воскликнул Майлз, забыв о своем решении говорить только тогда, когда его спросят. Ему казалось, что он ослышался. – Я думал, речь идет совсем о другом – о страхе отравиться.

– Так было сначала. Теперь из-за нелепого поведения Бонна вопрос перешел в новую плоскость. – На щеке Метцова дернулся мускул. – Когда-то это должно было случиться в новой армии – мягкотелой армии. Повиновение командиру – это вопрос принципа!

«Типичная для старой армии трепотня о принципах. Ох уж эти старые пердуны!»

– Принципа, сэр? Какого? Это же просто уничтожение отходов. – Майлз почувствовал, что задыхается.

– Это массовый отказ подчиниться прямому приказу, младший лейтенант. Любой заштатный адвокатишка квалифицирует случившееся как бунт. К счастью, его легко искоренить; надо только поторопиться, пока бунтовщики малочисленны и неорганизованны.

По дороге маршировал взвод новобранцев в белых зимних маскировочных халатах под командой сержанта с базы – ветерана, служившего под началом Метцова еще во времена Комаррского мятежа и переведенного сюда вместе с командиром.

Новобранцы, как с ужасом убедился Майлз, были вооружены смертоносными нейробластерами, которые никоим образом не должны были попасть в их руки. И Майлз почти физически ощущал их нервное возбуждение: даже они, эти зеленые ребята, понимали, с чем имеют дело.

Сержант между тем расставил новобранцев вокруг онемевшей команды Бонна и пролаял приказ. Они взяли оружие на изготовку, нацелив серебристые параболоиды, поблескивающие в свете окон административного корпуса, в головы техников. Лицо Бонна стало белым, как у привидения.

– Раздеться, – сквозь зубы приказал Метцов.

Люди не верили своим ушам; в колонне возникло замешательство; только один или двое поняли приказ и начали раздеваться. Остальные, обмениваясь недоумевающими взглядами, с запозданием последовали их примеру.

– Когда вы снова будете в состоянии подчиняться, – отчетливо и громко выговорил Метцов, – можете одеваться и приступать к работе. Выбор за вами. – Он отошел назад, кивнул сержанту и занял прежнюю позицию у флагштока. – Это немного охладит их, – пробормотал он так тихо, что Майлз с трудом расслышал его. Метцов, казалось, был уверен, что проведет здесь не более пяти минут; весь его вид свидетельствовал, что мысленно он уже в теплой комнате и наслаждается чем-нибудь горячительным.

Майлз заметил среди техников Олни и Паттаса. Были там и другие, досаждавшие ему не меньше, особенно поначалу. Кое-кого Майлз просто встречал, а кое с кем перемолвился парой фраз, когда вел свое, личное расследование биографии утонувшего рядового. Иные лица были ему вовсе не знакомы. Пятнадцать обнаженных людей била дрожь, поземка заметала их голые ноги. На пятнадцати изумленных, перепуганных лицах проступало выражение обреченности, ужаснувшее Майлза. Глаза не отрывались от наставленных на них бластеров. «Сдавайтесь, – безмолвно убеждал он их. – Игра не стоит свеч». Но на кого бы он ни взглянул, в глазах были решимость и отчаяние.

Будь он проклят, этот умник, изобретший фитаин! Яски, стоявший позади своих людей, окаменел. Но Бонн медленно начал разуваться.

«Нет, нет, не надо! – мысленно закричал ему Майлз. – Если ты встанешь с ними, они не сдадутся. Уверятся в том, что правы. Не делай этого, ты даже не представляешь, какая это страшная ошибка...» Бонн сбросил остатки одежды в кучу, вышел вперед, встал в строй, повернул голову и встретился взглядом с Метцовым. Глаза генерала вспыхнули ледяным огнем.

– Значит, – прошипел он, – ты сам признаешь себя виновным. Ну что ж, замерзай!

Как быстро и как плохо все обернулось! Самое время припомнить какое-нибудь неотложное дело в метеоцентре и убраться отсюда к чертовой матери. Если б только эти дрожащие, околевающие от холода самоубийцы покорились, ночь окончилась бы для него без очередного прокола!

Взгляд Метцова упал на Майлза:

– Форкосиган, можете взять оружие и принести хоть какую-нибудь пользу. Либо считайте себя свободным.

Он вправе уйти. Вправе ли? Когда он еще пару минут простоял, не двинувшись с места, к нему подошел сержант и вложил в руки нейробластер. Майлз безучастно принял его. Пытаясь собраться с мыслями (разве можно назвать мыслями ужас?), он, прежде чем поднять парализатор, убедился: оружие не снято с предохранителя.

Это уже не мятеж. Бойня.

Один из новобранцев нервно хихикнул. Что им приказали? И что они об этом думают? Эти восемнадцати-девятнадцатилетние парни – понимают ли они, что такое преступный приказ? И если да, знают ли, что предпринять в таком случае?

А он сам?

Все дело в том, что ситуация была сомнительной. Не укладывалась в схему. Майлз знал о преступных приказах. Каждый окончивший академию знал о них. В конце первого полугодия в академию прибывал его отец собственной персоной и устраивал для старшего курса однодневный семинар на эту тему. Во времена своего регентства он лично императорским указом обязал выпускников разбираться в существе проблемы. Уметь дать точное юридическое определение преступного приказа, знать, когда и каким образом можно не подчиниться ему. Все это иллюстрировалось видеофильмом, включающим примеры верного и неверного поведения. Примеры брались из истории, и даже новейшей – рассматривались, например, гибельные политические последствия Солстисской бойни (командующим тогда был сам адмирал). Во время показа этих кадров один-два кадета неизменно покидали аудиторию, дабы освободиться от

содержимого своих желудков.

Преподаватели академии ненавидели День Форкосигана, поскольку нормальное течение занятий прерывалось и курсанты не могли войти в норму несколько недель. Собственно говоря, адмирал Форкосиган не читал свою лекцию в конце года именно поэтому – каждый раз приходилось уговаривать самых впечатлительных не бросать академию перед выпускными экзаменами. Майлз знал, что лекцию отца слушали только кадеты, хотя адмирал полагал не лишним записать ее на головид и включить в основной курс армейской подготовки. Некоторые места этого семинара были откровением даже для Майлза.

Но сейчас... Если бы подчиненные Бонна были гражданскими лицами, Метцов был бы не прав на сто процентов. Но если бы подобное случилось во время войны, перед лицом вражеской угрозы, Метцов просто не мог вести себя иначе. Теперешняя ситуация была промежуточной. Солдаты проявили неповиновение, но пассивное. Никакого врага нет и в помине. Ничто не угрожало персоналу базы (если не считать угрозы их здоровью и даже, может быть, жизни). Хотя, если ветер переменится и ситуация окажется иной... «Я не готов к этому, еще не готов, не так скоро. Какое решение будет правильным? Моя карьера...»

Майлза охватило что-то вроде приступа клаустрофобии – как человека, застрявшего в лифте. Бластер подрагивал в его руках. Поверх параболического отражателя он видел стоявшего молча Бонна. Уши, пальцы и ноги раздетых людей побелели. Один согнулся в три погибели, превратившись в дрожащий клубок, но не подавал знака, что сдается. Не почудилась ли в позе Метцова легкая тень сомнения?

На мгновение у Майлза промелькнула сумасшедшая мысль снять оружие с предохранителя и выстрелить в этого параноика. А что потом? Стрелять в новобранцев? Он не успеет перестрелять всех. Чей-то луч достанет его в ту же минуту.

«Вероятно, я здесь единственный, кто уже убивал, не важно, в бою или нет. Метцов и сержант, разумеется, не в счет. Новобранцы могут начать стрелять по невежеству или из любопытства. Они слишком мало знают, чтобы послушаться безумца. Не знают они и самого печального – то, что произойдет в следующие полчаса, останется в их памяти до конца жизни.

Что я могу – сейчас, в данную минуту? Только подчиниться приказу. Единственно разумная вещь в повальном безумии, творящемся прямо на глазах. Каждый следующий командир, под чьим началом придется служить еще годы и годы, будет требовать одного – чтобы его приказы выполнялись как можно точнее. – Ты думаешь, что после этого сможешь наслаждаться службой на корабле, младший лейтенант Форкосиган? А как насчет компании околевших от холода призраков? – Что ж, по крайней мере я не буду одинок...»

Все еще с бластером в руках, Майлз отступил на несколько шагов назад, выпав из поля зрения новобранцев и Метцова. Горячие слезы обожгли ему веки.

Он сел на землю. Снял перчатки, расшнуровал ботинки. На землю упала куртка, потом брюки. Поверх легло зимнее белье с обогревом, а на самом верху аккуратно пристроился нейробластер. Майлз вышел вперед. Стержни, поддерживающие ноги, казались ледяными.

«Ненавижу пассивное сопротивление. Как я его ненавижу!»

– Что вы, черт возьми, делаете, младший лейтенант?! – рявкнул Метцов, когда Майлз прохромал мимо него.

– Хочу прекратить это, сэр, – спокойно ответил Майлз. Даже сейчас некоторые из техников отодвинулись от него, словно физические недостатки были заразными. Однако Паттас не отодвинулся. Бонн тоже.

– Бонн уже попытался валять дурака. Думаю, сейчас он жалеет об этом. А у вас тем более не пройдет, Форкосиган. – Голос Метцова дрожал, почти прерывался – не от холода, разумеется.

Ты должен был сказать «младший лейтенант». Значит ли что-нибудь фамилия? Майлз увидел, как по рядам новобранцев прошла волна беспокойства. Да, у Бонна не получилось. Он, младший лейтенант Форкосиган, был здесь единственным, чье личное вмешательство могло переломить ситуацию. Все зависит от того, насколько далеко зашел потерявший от бешенства рассудок Метцов.

Майлз обращался прямо к нему – и к новобранцам:

– Не исключено, хотя и маловероятно, что служба безопасности не станет расследовать обстоятельства гибели лейтенанта Бонна и его людей, если вы пошлете лживый рапорт и сошлетесь на некий несчастный случай. Но гарантирую вам: обстоятельства моей смерти расследовать будут.

На губах Метцова появилась странная улыбка.

– А если не останется свидетелей?

Сержант Метцова держался столь же непреклонно, как и его командир. Майлз вспомнил Ана – пьяницу Ана, молчуна Ана. Какие сцены наблюдал он на Комарре? И если был свидетелем, почему ему сохранили жизнь? В благодарность за что, за какое предательство?

– Из-з-звините, сэр, но передо мной по крайней мере десять свидетелей с нейробластерами. – Серебряные параболоиды с места, где стоял Майлз, казались огромными, как тарелки. Смена точки наблюдения сильно изменила его мнение о ситуации. Она больше не казалась сомнительной. Все ясно. – Или вы собираетесь уничтожить свою расстрельную команду и застрелиться? Служба безопасности подвергнет допросу всех возможных свидетелей. Вы не можете заставить меня замолчать. Живой или мертвый, своими устами или вашими (а может, даже их устами), но я дам показания. – Майлза трясло от холода. Удивительно, как при этой температуре чувствуется даже легкий восточный ветер. Чтобы его дрожь не приняли за что-то иное (у него действительно трясутся поджилки, да только не от страха), Майлз изо всех сил старался говорить членораздельно.

– А вдруг вы... э-э... позвольте себе замерзнуть, младший лейтенант? – Тяжелый сарказм Метцова подействовал на Майлза. Этот человек все еще думает, что правда на его стороне. Он ненормален.

Голые ноги Майлза больше не чувствовали холода. Ресницы покрылись инеем. Он быстро догонял остальных благодаря маленькой массе тела. Кожа покрылась сине-фиолетовыми пятнами.

Над занесенной снегом базой нависла мертвая тишина. Майлзу казалось, он слышит падение снежинок, стук зубов замерзающих людей, частое дыхание новобранцев. Время остановилось.

Попробовать пригрозить Метцову? Разбить его невозмутимость – намекнуть на Комарру, на то, что правда о его опале выйдет наружу?.. Или обнародовать звание отца и его положение?.. Черт побери, каким бы сумасшедшим ни был Метцов, должен же он понимать, что зашел слишком далеко. Его «старомодный» урок дисциплины сорвался, и теперь этот полоумный упорствует, готовый защищать свой авторитет до конца. Как же сказал Ан на прощание? «Он может быть весьма опасен. Никогда не угрожайте ему...» За всеми этими садистскими штучками трудно заметить страх. Но он сидит в Метцове где-то там, в глубине... И если нельзя надавить на него, может быть, стоит попробовать потянуть с другого конца?..

– Но подумайте, сэр, – Майлз старался, чтобы голос его звучал как можно убедительнее, – чего вы достигнете, прекратив все это. Во-первых, у вас теперь все доказательства факта мятежа и даже э-э... заговора. Вы можете арестовать и посадить всех на гауптвахту. Тем самым вы приобретаете все, ничего не потеряв. Я, например, расстаюсь с мечтой о карьере, получаю позорную отставку, может быть, тюремную камеру. Вам не кажется, что смерть гораздо почетнее? Остальным за вас займется служба безопасности, и вы только выиграете от этого.

Слова Майлза зацепили Метцова – сузившиеся стальные глаза вспыхнули, прямая шея служаки качнулась влево. Теперь – дать ему заглотить наживку и ни в коем случае не дергать леску...

Метцов подошел совсем близко, нависая над тщедушным Форкосиганом, как каменная глыба, окутанная облачком пара. Понизив голос, он произнес:

– Типичный совет Форкосигана. Твой мягкотелый папаша либеральничал с комаррскими подонками, и это обошлось нам недешево. Военный трибунал для адмиральского сыночка – как ты полагаешь, собьет это спесь с одного бездарного лицемера, а?

Майлз сглотнул ледяную слюну. «Кто не знаком с собственной историей, – вспомнилось ему, – тот обречен постоянно наткаться на нее». К сожалению, тот, кто знаком, – тоже.

– Сожгите этот чертов пролившийся фитаин, – хрипло прошептал он, – а там будет видно.

– Все арестованы, – неожиданно громко объявил распрямившийся Метцов. – Одевайтесь!

От нахлынувшего облегчения люди опешили. Потом, нервно поглядывая на бластеры, бросились к одежде, поспешно натягивая ее непослушными, одервеневшими на морозе руками. Но Майлз уже минуту назад понял, что все позади. И вспомнил слова отца: «Оружие – просто инструмент, заставляющий врага изменить свою точку зрения. Полем битвы являются умы, все остальное – бутафория».

Как оказалось, лейтенант Яски в момент отвлекшего внимание всех присутствующих появления на сцене раздетого Майлза незаметно ускользнул в административный корпус. В результате на месте происшествия оказались командир курсантов, врач базы и заместитель Метцова – в надежде хоть как-то разрядить обстановку. Но к этому времени Майлз, Бонн и техники, уже одевшиеся, спотыкаясь, брели под дулами нейробластеров к бункеру гауптвахты.

– Надо ли говорить, как я благодарен вам? – стуча зубами, прошептал Бонн. Они напоминали старых паралитиков: Бонн облакачивался на Майлза, Майлз висел на Бонне – и так странная пара хромала по дороге, не чувствуя под собой ног.

– Он собирается сжечь фитаин до того, как ветер переменится. Никто не умрет. Никто не станет мутантом. Мы выиграли, кажется. – С онемевших губ Майлза сорвался нелепый смешок.

– Не думал я, – произнес Бонн, тяжело дыша, – что бывают большие безумцы, чем Метцов.

– Я шел по вашей дорожке, – возразил Майлз, – только у меня получилось. Как будто получилось. Завтра все будет выглядеть по-другому.

– Да. Хуже, – угрюмым тоном предсказал Бонн.

При звуке открывающейся двери Майлз подскочил на койке. Это привели в камеру Бонна.

Майлз потер ладонями небритое лицо:

- Который час, лейтенант?

- Светает. - Бонн - бледный, небритый - выглядел именно таким преступным типом, каким ощущал себя сам Майлз. С болезненным стоном он опустился на жесткое тюремное ложе.

- Что там творится?

- Всюду шныряет армейская служба безопасности. Прислали капитана, только что прибыл. По-моему, он и занимается делом. Метцов, я думаю, уже напел ему. Пока что они снимают показания.

- А как с фитаином? Управились?

- Угу. - У Бонна вырвался угрюмый смешок. - Только что заставили меня проверить все и расписаться за работу. Из бункера получилась отличная печь, так что все в порядке.

- Младший лейтенант Форкосиган! - объявил охранник, конвоировавший Бонна. - Следуйте за мной.

Майлз с трудом встал на ноги и захромал к двери камеры.

- Увидимся, лейтенант!

- Без сомнения. Если встретите кого-нибудь с подносом, почему бы вам не использовать свое политическое влияние и не послать его ко мне, а? Время завтракать.

Майлз слабо улыбнулся:

- Постараюсь!

Вслед за охранником он прошел по короткому коридору. Гауптвахту базы Лажковского вряд ли можно было назвать крепостью. Она напоминала скорее казарму, двери которой запирались только снаружи, да еще отсутствовали окна. Здешний климат был лучшим сторожем, чем любая охрана, не говоря уже об опоясывающем остров рве необъятной ширины, заполненном ледяной водой.

В это утро офис службы безопасности базы выглядел по-деловому. Возле дверей стояли двое угрюмых незнакомцев: лейтенант и могучего телосложения сержант. На их щегольских униформах виднелся Глаз Гора – эмблема Имперской службы безопасности. Имперской, не армейской! Службы, охранявшей семью Майлза все годы активной политической жизни его отца. Майлз испытывал к ним почти родственную нежность.

Секретарь, на столе которого светился и мигал экран, казалось, нервничал.

– Младший лейтенант Форкосиган, сэр, мне нужно, чтобы вы оставили здесь отпечаток ладони.

– Конечно. Что я подписываю?

– Проездные документы, сэр.

– Что? – Майлз помедлил, потом поднял одетые в пластиковые перчатки руки: – Какая рука лучше?

– Мне кажется, правая больше подойдет, сэр.

Неуклюжей левой рукой Майлз с трудом стянул правую перчатку. Кожа блестела от мази, как глянцевая. Руки опухли, были покрыты красными пятнами и вообще выглядели неважно, но лекарство делало свое дело: пальцы уже сгибались. Майлзу пришлось трижды прикладывать руку к идентификационной пластине, прежде чем компьютер опознал его.

– Теперь вы, сэр, – кивнул клерк лейтенанту Имперской службы. Тот приложил руку к пластине, и компьютер удовлетворенно загудел. Офицер отнял руку, подозрительно осмотрел блестящий липкий налет – след мази от обморожения – и украдкой вытер ее о брюки. Клерк поспешно прошелся по пластине рукавом

форменного кителя и нажал кнопку интеркома.

– Рад видеть вас, ребята, – обратился Майлз к офицеру. – Жаль, вас здесь вчера не было.

Лейтенант в ответ не улыбнулся.

– Я всего лишь посыльный, сэр. И не уполномочен обсуждать с вами инцидент.

Из своего кабинета вынырнул генерал Метцов, одной рукой держа стопку пластиковых листков, а другой придерживая за локоть капитана армейской безопасности, который хмуро кивнул коллеге из Имперской службы.

Генерал улыбался прямо-таки по-приятельски:

– Доброе утро, младший лейтенант Форкосиган. – Он безо всякого страха смотрел на людей из Имперской безопасности. «Черт побери, да при виде их этот убийца должен трястись от страха!» – В нашем деле оказалась тонкость, которую я не принял в расчет. Если лорд-фор принимает участие в военном мятеже, ему автоматически предъявляется обвинение в государственной измене.

– Что? – Комок в горле заставил Майлза замолчать, но через минуту его голос снова зазвучал нормально. – Лейтенант, надо ли понимать это как арест? Неужели я арестован Имперской службой безопасности?

Лейтенант молча вытащил наручники и подошел, чтобы пристегнуть руку Майлза к руке сержанта-великана. На значке сержанта было написано «Оверман». Да уж, действительно сверхчеловек. Этому Оверману достаточно поднять руку, чтобы раздавить его, как котенка.

– Вы находитесь под арестом до окончания следствия, – четко произнес офицер.

– На какой срок?

– Срок еще не определен.

Лейтенант направился к двери, сержант и – волей-неволей Майлз – вслед за ним.

– Куда мы? – шепотом спросил он у провожатого.

– В штаб-квартиру Имперской службы безопасности.

В Форбарр-Султан!

– Мне нужно собрать вещи...

– Ваши вещи собраны.

– Вернусь ли я обратно?

– Не знаю.

К тому времени, когда скат доставил их на посадочную площадку, закат разукрасил лагерь «Вечная мерзлота» в серо-желтые тона. Суборбитальный курьерский корабль Имперской службы на обледенелом бетоне площадки выглядел, как хищная птица в голубятне. Черного цвета, обтекаемой формы и безжалостно эффектный на вид, он, казалось, был способен, тронувшись с места, сразу же преодолеть звуковой барьер. Пилот был наготове, двигатели работали.

Майлз неуклюже взобрался по трапу вслед за сержантом; холодный металл наручников резал руку. Мелкие кристаллики льда плясали над землей, вздымаемые северо-восточным ветром. По тому, как холодный воздух покалывал носовые пазухи, Майлз решил, что к утру температура стабилизируется. Неужели он покидает базу? Бог ты мой, ему уже давно надо было убраться отсюда.

Майлз в последний раз вдохнул обжигающий воздух. Дверь корабля с шипением закрылась. Внутри стояла ватная тишина, даже звук моторов тонул в ней.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/budzhold_lois/igra-forov

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)